

Дин Кунц практически монополизировал жанр.
Он великолепно умеет завораживать читателя и держать его в напряжении.

Richmond Times-Dispatch

ДИН КУНЦ

ПОЛНОЧЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

The Big Book. Дин Кунц

Дин Кунц

Полночь

«Азбука-Аттикус»

1989

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Кунц Д. Р.

Полночь / Д. Р. Кунц — «Азбука-Аттикус», 1989 — (The Big Book. Дин Кунц)

ISBN 978-5-389-17174-9

Размеренная жизнь маленького курортного городка Мунлайт-Ков неожиданно превращается в кошмар. За короткое время десятки его обитателей становятся жертвами загадочных зверских убийств. Раскручивая это дело, тайный агент ФБР выясняет, что убийцы – монстры, созданные злым гением ученого-компьютерщика, одержимого маниакальной идеей стать властелином человечества.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-17174-9

© Кунц Д. Р., 1989
© Азбука-Аттикус, 1989

Содержание

Часть первая. Ночь на побережье	6
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Дин Кунц Полночь

Dean Koontz
Midnight

© 1989 by Nkui, Inc.

© В. М. Шуляков, перевод, 1993

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Посвящается Эду и Пэт Томасам, участникам Карнавала книги.
Они настолько приятные люди, что порой мне кажется – они вовсе не
земляне, а пришельцы из других, лучших миров*

Часть первая. Ночь на побережье

*Создания полночи там кружат в темноте под звуки им одним
лишь ведомых мелодий.
Книга печалей*

1

Шесть миль каждый вечер. Двадцать лет подряд. Джэнис Кэпшоу считала, что выглядит лет на десять моложе в свои тридцать пять именно благодаря этому. И так, почти каждый вечер часов в десять-одиннадцать на ней уже был спортивный костюм со светоотражающими полосками на груди и на спине, кроссовки «Нью бэлэнс», на голове – лента для волос.

В воскресенье, 21 сентября, Джэнис вышла из дома в десять часов и пробежала четыре квартала по Оушн-авеню, главной улице городка Мунлайт-Ков. Дальше она, как всегда, свернула налево и продолжала бег вдоль побережья по направлению к городскому пляжу. В этот час здесь было пустынно и мрачно – ни машин, ни прохожих. Все было закрыто, кроме двух заведений, где никогда не запирали двери, – таверны «Рыцарский мост» и костела Девы Марии. Городок Мунлайт-Ков в отличие от многих других не делал ставку на туристов. Когда-то размеренность здешней жизни даже привлекала внимание Джэнис, но затем ей иногда стало казаться, что город не просто дремлет, а впадает в летаргию.

Янтарь фонарей, оправленный в тень кипарисов и сосен на главной улице, неподвижный воздух и туман, струящийся над мостовой, – больше никого и ничего. Джэнис казалось, что она – последний человек на Земле и только звуки ее шагов и дыхание нарушают тишину, наступившую после Страшного суда.

Когда бежишь утром, перед работой, совсем не то ощущение, к тому же летом к десяти вечера спадает жара. Но не это было главным для Джэнис. Просто она всегда любила ночь.

Это началось еще в детстве, когда она научилась наслаждаться после заката звездным небом, пением лягушек и цикад. Темнота сглаживала острые углы этого мира, приглушала краски. В сумраке наступающей ночи небо поднималось высоко над землей, мир расширялся. Ночь была больше, чем день, и казалось, что в жизни сбудется больше желаний.

Теперь путь ее лежал по берегу моря. Лунный свет, переливающийся то золотом, то серебром, в этот вечер почти не заслоняли ни облака, ни туман; она могла видеть все перед собой. Таинственные огоньки плясали на волнах, полоса песка, казалось, сама светилась лунным светом, и даже туман похитил у осенней луны часть ее отблесков.

Только здесь, у ночного моря, в одиноком беге вдоль полосы прибоя Джэнис обретала себя.

Ричард – ее покойный муж, умерший от рака три года назад, – часто говорил, что по своим биоритмам она даже больше чем «сова». «Из тебя мог бы выйти неплохой вампир, для них ночью – раздолье», – шутил он, а она всегда отвечала: «Во всяком случае, я буду сосать не твою кровь». Видит бог, она любила его. Сначала, правда, опасалась, что у жены лютеранского пастора будет скучная жизнь, но опасения ни разу не оправдались. Прошло три года, а она вспоминает его каждый день. И каждую ночь. Он был...

Внезапно Джэнис почувствовала, что она не одна на пустынном пляже. Это случилось в тот момент, когда она миновала кипарис, росший прямо в центре пляжа между линией берега и холмами. Нет, никаких звуков и движений, кроме собственных, она не заметила, только инстинкт подсказал ей: кто-то нарушил ее одиночество.

В первый момент тревоги не возникло, на пляже мог появиться еще один любитель вечерних пробежек. Так бывало изредка, раза два-три в месяц, правда люди выбирали это время не по своей воле, в отличие от Джэнис.

Но когда она остановилась и оглянулась, то увидела все тот же пустынный пляж, пену прибоя и мрачные, но знакомые деревья и скалы. Тишину нарушал лишь рокот волн.

Для беспокойства не было причин, и Джэнис продолжила бег, восстанавливая свой обычный темп. Через пятьдесят ярдов, однако, краем глаза ей удалось заметить какое-то движение: футах в тридцати слева от нее быстрая тень переместилась из-за кипариса к каменной глыбе и скрылась из виду.

Джэнис повернула назад, осторожно пошла к камню. Судя по мимолетному впечатлению, тень была ростом выше собаки, возможно, человеческого роста, что-то еще понять было трудно, слишком быстро все произошло. Глыба, к которой она приближалась, имела футов двадцать в длину и от четырех до десяти футов в высоту – при желании за ней мог спрятаться кто угодно.

– Кто здесь? – Джэнис не ждала ответа и не получила его.

Страх не было, только беспокойство. Скорее всего, ей что-то померещилось. Или на пляж выскочила чья-то собака. Хотя собака подбежала бы к ней. Не видя вокруг никаких признаков опасности, Джэнис испытывала только любопытство.

Ночная свежесть давала о себе знать. Она решила пробежаться на месте и подождать развития событий.

Кстати, неподалеку у Фостеров была конюшня. Она находилась в двух с половиной милях от южной оконечности бухты, и одна из лошадей вполне могла прибежать оттуда. Судя по росту, даже не лошадь, а пони. Но почему не было слышно топота копыт? Конечно, это была лошадь, надо будет добежать до Фостеров и сообщить им о пропаже.

За камнем, куда заглянула Джэнис, ничего не было, лишь лунные тени причудливо затаились возле расщелин.

Сушая ерунда. Никакой опасности. Это какой-нибудь любитель бега или случайное животное. В Мунлайт-Кове всегда царило спокойствие. У полиции не было забот, если не считать мелких краж и хулиганства, да еще аварий. В этом городе как будто не доросли до грехов, изнасилований и убийств, которые уже познала остальная часть Калифорнии.

Джэнис вернулась к берегу – от сердца отлегло, просто луна и туман сыграли с ней глупую шутку.

Туман сгустился, но она решила пробежать до конца свой обычный маршрут, надеясь вернуться на Оушн-авеню еще до того, как белая мгла накроет весь пляж.

Ветер, налетевший с моря, набросился на туман и взбил его в плотную молочную пену. В тот момент, когда Джэнис достигла южного края бухты, ветер уже взялся за волны и бросал их одну за другой на волнорез, продолжавший линию берега.

На двадцатифутовой высоте волнореза кто-то стоял и взирал сверху на Джэнис. Она увидела этот силуэт во всполохе тумана, в лунном свете.

Теперь ужас охватил ее.

Черты лица было не различить, хотя незнакомец стоял прямо перед ней. Если туман не обманывал зрение, росту в нем было футов шесть.

Но на незримом лице его она видела глаза, и глаза эти внушали ей ужас. Янтарно-желтый блеск их был сродни глазам зверя, вырвавшегося на полночную дорогу в свет фар.

Взгляд этих глаз сковал Джэнис. Должно быть, древние идола – воплощения дьявольского культа – так же светились в лунном свете желтыми углями глаз. Море, беснуясь, старалось коснуться идола тысячами своих рук. Надо было отворачиваться и бежать, но ноги приросли к песку, ночные ужасы крепко вцепились в ее тело.

Не сон ли это, не ночной ли кошмар, нельзя ли проснуться от него в своей постели, в тепле и безопасности?

В этот миг незнакомец издал странный протяжный вопль, в этом крике жалобная нота смешалась с угрозой и был холод, холод...

Он сдвинулся с места.

Спускаясь с волнореза, этот некто приближался к ней на четырех лапах, в движениях была нечеловеческая, кошачья ловкость. Еще секунда – и он настигнет ее.

Очнувшись от оцепенения, Джэнис бросилась назад, к спасительному выходу с пляжа, но до него была целая миля. Окружавшие бухту дома с ярко светящимися окнами имели выход прямо к морю, но в такой темноте Джэнис не была уверена, что сможет найти ведущие к ним ступени. На крик она сил не тратила, не надеясь, что кто-то услышит, но опасаясь, что крик может стать последним в ее жизни, стоит лишь слегка ослабить темп.

Двадцать лет ежедневного бега спасали ей раньше здоровье, сейчас они могли спасти жизнь. Тело не подводило Джэнис: оно послушно служило спринтерской гонке. Ей бы только добраться до Оушн-авеню, там при свете фонарей на главной улице ей ничто не будет угрожать.

С высоты небес вдруг начал изливаться странный пульсирующий свет. Луна подмигивала и посылала в туман все новых призраков, окружавших Джэнис со всех сторон, бежавших с ней наперегонки. Погоня все больше походила на сон из-за причуд лунного света, но Джэнис знала: во сне ли, наяву ли, там, сзади, в ее плечо упирается взгляд янтарно-желтых глаз.

Уже осталась половина пути до Оушн-авеню, и она была уверена в близости спасения, как вдруг два новых призрака возникли из тумана. Нет, это были не призраки. Один из них двигался футах в двадцати справа, бежал, как человек, на двух ногах; второй скакал слева на четырех лапах и был еще ближе к ней, роста он был человеческого, но нечеловеческой, звериной была грация его прыжков. Ничего больше не могла разобрать Джэнис, только видела, как светились их глаза.

Инстинкт подсказывал Джэнис, что ни один из этих двоих не был незнакомцем с волнореза. Тот, третий, так и бежал сзади. Она знала это и была уверена: они окружают ее.

Ей было не до догадок, можно будет потом подумать об этих странных вещах. Сейчас она просто принимала все как есть; глубоко веря в Бога, она всегда допускала существование неземного и невозможного в этой жизни.

Страх, который сковывал ее прежде, теперь придавал ей силы – она ускорила бег. То же самое сделали ее преследователи.

Услышав жалобный стон, она с трудом узнала в нем свой собственный голос.

К ее ужасу, этому стону стали вторить завывания призраков. Гортанные, протяжные звуки, то низкие, то высокие, казалось, раздавались в предвкушении близкой расправы. Хуже того, в диких воплях Джэнис вдруг разобрала слова, обрывки грязных слов:

– Поймаем суку, поймаем суку...

Кто же они? Не люди, но говорят и двигаются по-человечески. Так кто же они, если не люди?

Сердцу стало тесно в груди.

– Поймаем суку...

Они все ближе, и ей не вырваться из их тисков. Джэнис бежала, не поднимая глаз, она бежала, ибо знала: вид преследователей добьет ее, обдаст холодом, бросит на песок.

И она была брошена на песок. Кто-то налетел на нее сверху; она почувствовала, что все трое, навалившись, рвут в клочья одежду, касаются ее.

Луна исчезла за облаками, и призрачные тени спрятались в темноте.

Лицом Джэнис уткнулась в песок, ей удалось издать еще один крик, похожий на стон, она задыхалась.

Беспорядочно отбиваясь руками, она с каждой секундой все больше понимала бессмысленность сопротивления.

Мрак покрыл землю, луна погасла.

С Джэнис сорвали костюм, треск материи больно отозвался в спине, и она вдруг осознала, что грубые руки, занесенные над ней, принадлежат человеческому существу.

Тяжесть на мгновение ослабла, из последних сил Джэнис рванулась вперед, но была настигнута вновь. Теперь лицо ее омывал морской прибой.

Хаос звуков, стонов, причитаний, лая и воплей поднимался над ночным берегом, и в этом хаосе кружились обрывки слов:

– ...поймаем ее, поймаем ее...

– ...хочет, хочет этого, хочет этого...

– ...теперь, теперь, быстрее, теперь, быстрее, быстрее...

С нее сорвали остатки одежды, она уже не понимала, что хотят с ней сделать, насилие это, убийство или ни то ни другое. Она лишь чувствовала: призраки эти находятся во власти чудовищной, неутолимой жажды, ибо ночь была пронизана этой жаждой так же, как туманом и мраком.

Один из них пригнул ей голову, вдавил в песок – морская вода теперь не давала дышать. Она знала, что умрет, что скована и беспомощна, она умрет, и все из-за этих шести миль каждый вечер.

2

В понедельник, 13 октября, двадцать два дня спустя после смерти Джэнис Кэпшоу, Сэм Букер ехал в городок Мунлайт-Ков, сидя за рулем автомобиля, нанятого им в международном аэропорту Сан-Франциско. По дороге он затеял жестокую и слегка забавную игру с самим собой: он начал составлять в уме список причин, по которым ему хотелось бы еще пожить на белом свете. Хотя ехал он уже часа полтора, в голову ему пришло всего четыре вещи: пиво «Гиннесс», хорошая мексиканская кухня, Голди Хоун и страх смерти.

Густое темное ирландское пиво нравилось ему всегда и неизменно доставляло краткое утешение от жизненных скорбей. Труднее было найти хороший ресторан с мексиканской кухней, значит и утешиться было труднее. В Голди Хоун он был просто влюблен, вернее, не в нее, а в ее шикарный образ на экране, потому что она на самом деле была красавица и умница, простая и сложная одновременно и чертовски хорошо умела играть в веселую игру жизни. Правда, шансов лично познакомиться с Голди Хоун у него было в миллион раз меньше, чем найти хороший мексиканский ресторан в калифорнийской дыре, названной Мунлайт-Ковом. К счастью, Голди не была единственной причиной, по которой стоило жить, и Сэм был доволен.

На подъезде к городу дорогу обступили высокие сосны и кипарисы, образуя серо-зеленый туннель, расцвеченный мягкими предвечерними тенями. День был безоблачный, но какой-то странный: небо словно выцвело на солнце, в нем не было той кристально чистой голубизны, к которой он привык в Лос-Анджелесе. И хотя было под двадцать градусов тепла, яркое солнце будто заморозило пейзаж вдоль дороги, и он застыл, скованный, точно зимой.

Страх смерти. В его списке это была самая веская причина. Сэму было сорок два, рост пять футов одиннадцать дюймов, вес сто семьдесят фунтов, здоровье – слава богу, но он уже шесть раз успел заглянуть в лицо смерти, видел это проклятое дно, и его не тянуло нырять туда снова.

На правой стороне дороги появился указатель: ОУШН-АВЕНЮ, МУНЛАЙТ-КОВ, 2 МИЛИ.

Сэм не боялся болей, связанных со смертью, терпеть-то он умел. Он не боялся уйти из жизни, не закончив дел; уже многие годы он никуда не рвался, ни о чем не мечтал, цели не было, не было смысла. Но Сэм боялся того, что будет после смерти.

Пять лет назад, скорее мертвый, чем живой, лежа без сознания на операционном столе, он был совсем рядом со смертью. Пока хирурги пытались его спасти, он освободился от своего тела и с потолка наблюдал за своими бренными останками. Затем он ощутил себя летящим в туннеле навстречу ослепительному свету: все было похоже на яркую и страшную рекламную картину – картину смерти. В самый последний момент ловким хирургам удалось затащить его обратно в страну живых, но прежде Сэм успел заглянуть туда, где кончается туннель. То, что он увидел, напугало его на всю оставшуюся жизнь. Теперь Сэм предпочитал любую передрыгу в этой жизни той последней смертельной картине.

Вот и въезд на Оушн-авеню. На пересечении дороги с шоссе Пасифик-Коаст еще один указатель: МУНЛАЙТ-КОВ, 0,5 МИЛИ.

В закатных лучах показались между деревьями первые дома городка, остатки солнца желтым светом озаряли окна. Форма крыши, обилие деревянных деталей на некоторых домах свидетельствовали о причудах архитектора, занесшего в 40–50-х годах тяжеловесный баварский стиль на калифорнийское побережье, другие постройки представляли собой бунгало во французском стиле со множеством украшений в стиле рококо. Остальные появились в последнее десятилетие, сияли множеством окон и выстроились вдоль берега, словно лайнеры, причалившие к зелени побережья со стороны суши.

Сэм пересекал деловой квартал Оушн-авеню, когда его посетило странное чувство: в этом городке что-то было не так. Вроде бы все как обычно – рестораны, таверны, магазины, две церкви, городская библиотека, кинотеатр, но Сэм не мог избавиться от непривычного, холодящего ощущения.

Он не мог объяснить себе причин этого чувства, возможно, виновата была печальная игра света и тени на закате осеннего дня. Католический собор выглядел мрачным сооружением, воздвигнутым вовсе не для людей, один из магазинов, казалось, выплел на солнце до белизны скелетных костей, а окна остальных домов были как бы занавешены белесыми отблесками, будто люди там занимались чем-то запретным. Тени лежали на земле странно резкие, словно их прочертил кто-то по невидимой линейке.

Сэм притормозил у перекрестка, и ему представилась возможность рассмотреть вблизи жителей городка. Их было в этом месте человек восемь-десять, но и они поразили Сэма, в них тоже было что-то не так. Люди шли по улице, сосредоточенные на чем-то, куда-то спешили, заведенные какой-то посторонней силой, и их рвение никак не сочеталось с образом сонного приморского городка в три тысячи душ.

Сэм вздохнул и поехал дальше по Оушн-авеню, объясняя свои чувства разыгравшимся воображением. Мунлайт-Ков и его обитатели наверняка показались бы ему самыми обычными, если бы он был в этом городке проездом. Сейчас он приехал сюда из-за странных событий, случившихся здесь недавно, и это невольно накладывало на город мрачный отпечаток.

Так успокаивал он себя, но была одна вещь, которая опрокидывала все его доводы.

В Мунлайт-Кове умирали люди, а официальные версии их смерти никуда не годились. Так вот, у Сэма было предчувствие, что истинная причина их смерти таит в себе нечто необычное и пугающее. За долгие годы он привык доверять своим предчувствиям, это не раз спасало ему жизнь.

Сэм припарковал свой «форд» напротив магазина подарков.

К западу от этого места, на краю грифельно-серого моря, бледное солнце опускалось за горизонт, медленно окрашивая небо в грязно-красный цвет. От воды к земле протянулись длинные тонкие щупальца тумана.

3

Крисси Фостер сидела на полу в кухонной кладовке, прислонившись спиной к шкафу с провизией, и рассматривала часы на своей руке. В тусклом свете лампочки, подвешенной под потолком, можно было разглядеть, что за время, проведенное ею в этой маленькой комнате без окон, минутная стрелка успела уже сделать девять кругов по циферблату. Крисси получила эти часы в подарок на день рождения, когда ей исполнилось одиннадцать лет. Это было четыре месяца назад, и тогда они ей страшно понравились, так как это были вовсе не детские часы с персонажами из мультфильмов на циферблате; нет, это были аккуратные, почти дамские часики в позолоченном корпусе, с римскими цифрами, похожие на часы «Таймекс», которые носила ее мать. Но теперь их вид вызывал у Крисси печаль. Эти часы олицетворяли времена счастья и дружбы в их семье, которые миновали навсегда.

К грусти, одиночеству и усталости от долгих часов в заточении добавлялся страх. Страх, оставшийся после утренних ужасных событий, когда отец протащил ее через весь дом и запер в кладовке. В тот момент слез и истерики она была на вершине ужаса от происходящего. Оттого, что стало с ее родителями. Смертельный ужас не мог длиться долго, постепенно он уступил место лихорадке страха, бросающей то в жар, то в холод, то в головную боль и тошноту, – так чувствуешь себя в начале простуды.

Что они сделают, когда выпустят ее отсюда? Крисси была вполне уверена в ответе на этот вопрос: они собираются превратить ее в одну из себе подобных. Вот только как они это сделают и в кого же она превратится? Она знала, ее отец и мать уже не были обычными людьми, они были другими, но передать словами это отличие Крисси была не в силах.

Последнее обстоятельство ее особенно удручало, слова были ее любимой игрой, она верила в их силу. Читала все, что попадалось под руку: стихи, рассказы, романы, газеты, журналы и даже наклейки на банках с продуктами. Миссис Токава, ее учительница в шестом классе, говорила, что она читает, как десятиклассница. Крисси любила выдумывать и записывать придуманные истории. Решила, когда подрастет, писать романы, как Пол Зиндел или хотя бы как Дэниэл Пинкуотер, хотя больше всего ей нравился Андре Нортон.

Теперь было не до слов: воображаемая жизнь, кажется, так и останется лишь ее фантазией. Эта потеря сладкой мечты пугала Крисси не меньше, чем перемены в ее родителях. За восемь месяцев до своего двенадцатилетия Крисси в полной мере постигла непредсказуемость жизни и, конечно, была не готова к этому печальному опыту.

Ну нет, она еще постоит за себя. Пусть только попробуют сунуться со своими превращениями. В кладовке вполне можно найти какое-нибудь оружие, стоит только поискать на полках; этим Крисси и занялась, когда слезы высохли. Среди банок, коробок, стирального порошка и всякой всячины нашлось то, что ей было нужно. Великолепная вещь – WD-40 – аэрозоль с машинным маслом. Как раз подходящего размера, можно спрятать на себе. Если застать врасплох и брызнуть в глаза, есть шанс от них удрать.

В газетах написали бы крупными буквами: «НАХОДЧИВАЯ ДЕВОЧКА СПАСАЕТ СЕБЯ С ПОМОЩЬЮ БАЛЛОНЧИКА С ОБЫЧНЫМ МАШИНЫМ МАСЛОМ».

С WD-40 в руках Крисси было гораздо спокойнее.

Перед глазами все время возникал образ отца, когда он запирает ее в кладовке. Такое не забывается – дикие глаза, раздутые ноздри, оскаленные зубы; багровое лицо было искажено злобной судорогой. «Я еще вернусь за тобой, – крикнул он, брызжа слюной, – я еще вернусь!»

Он закрыл дверь, используя вместо засова ножку стула. Когда в доме стало тихо, Крисси попыталась открыть дверь, но она не подалась ни на миллиметр.

«Я еще вернусь, я вернусь».

Крисси вспомнила ужасного Хайда, описанного Стивенсоном в истории про доктора Джекила. У отца были такие же искаженные черты, глаза, налившиеся кровью. Он сумасшедший – ее отец; он уже совсем не тот человек, каким был когда-то.

Еще ужаснее было воспоминание о том, что она увидела, когда пропустила школьный автобус и застала родителей врасплох в холле наверху. Нет. Они не были больше ее родителями. Они были... чем-то иным.

Крисси содрогнулась.

Встряхнула баллончик с WD-40.

Внезапно на кухне послышался шум, хлопнула дверь черного хода. Шаги. Их двое, трое, может быть, четверо.

– Она здесь, – голос отца.

Сердце Крисси замерло, затем пустилось в галоп.

– Быстро не получится, – сказал третий. Крисси никогда раньше не слышала этот низкий, слегка хриплый голос. – Видите ли, с детьми хлопот куда больше. Шаддэк даже не уверен, что мы готовы совершить это с ребенком. Большой риск.

– Она должна пройти через обращение, Такер. – Это голос матери, Шэрон, хотя и звучит необычно. В нем совсем нет той мягкости, тех музыкальных нот, нет тех волшебных интонаций, с которыми она когда-то читала Крисси сказки.

– Конечно, она должна через это пройти, – согласился незнакомец, которого, очевидно, звали Такер. – Я согласен. И Шаддэк согласен, он затем и прислал меня сюда. Я просто сказал, что это отнимет больше времени, чем обычно. Понадобится место, где мы сможем связать ее и наблюдать за ней во время обращения.

– Можно пройти сюда. Наверху ее спальня.

«Обращение».

Крисси била дрожь, но она поднялась на ноги и встала напротив двери.

Снаружи раздался грохот – стул отбросили в сторону.

Баллончик был уже наготове, оставалось только нажать на распылитель.

Дверь открылась, прямо перед Крисси стоял отец.

Алекс Фостер. Крисси пыталась думать о нем просто как об Алексе Фостере. Но тот, кто стоял перед ней, выглядел совсем другим человеком.

В нем уже не было ярости; светлые волосы, широкое лицо с крупными чертами, россыпь веснушек на щеках и носу напоминали отца, но глаза... они были чудовищно другими. В них светилось странное желание, острое, жадное. Голод. Да, точно. Отец казался голодным... измученным голодом, снedaемым этим чувством, сжигаемым... но совсем не еды он жаждал. Шестым чувством Крисси осознала эту жажду в напряженных мускулах его лица, эта жажда так распалила его, что, казалось, жар волнами поднимается над ним.

Она услышала: «Выходи, Кристина».

Крисси сжалась, заморгала, словно собираясь заплакать, притворилась, что дрожит, что напугана, что покорила. Сделала несколько осторожных шагов.

– Ну давай же, давай! – нетерпеливо прикрикнул отец, подгоняя ее.

Крисси шагнула за порог и увидела мать – та стояла сбоку и чуть позади мужа. Шэрон была все так же красива – каштановые волосы, зеленые глаза, но в ней уже не осталось ни капли мягкости и материнской ласки. Чужая, с тяжелым взглядом, она несла на себе печать той же испепеляющей жажды, которой был отмечен ее муж.

Возле кухонного стола стоял незнакомец в джинсах и клетчатой куртке. Очевидно, это и был Такер, с которым говорила мать. Высокий, худой, угловатый, волосы ежиком. Глаза глубоко посажены, нос острый, прямой; тонкие губы, челюсти хищника, готового к расправе с добычей. В руках он держал докторский чемоданчик из черной кожи.

Когда Крисси вышла из кладовой, отец шагнул ей навстречу и тут же получил в лицо с расстояния двух футов струю машинного масла. Так же обошлась она и с матерью. Наполовину ослепшие, они пытались схватить ее, но Крисси вывернулась и бросилась вон из кухни.

Однако Такер, быстро придя в себя от неожиданности, сумел схватить ее за руку.

Развернувшись, она изо всех сил ударила его между ног.

Он лишь чуть-чуть разжал пальцы, но Крисси уже вырвалась и устремилась к выходу.

4

Сумрак надвигался на Мунлайт-Ков с востока, виной тому был туман, состоявший словно не из водяных капель, а из пурпурно-дымчатого света. Когда Сэм Букер вышел из машины, в воздухе уже чувствовалась вечерняя прохлада; он был доволен, что от нее его защищал шерстяной свитер, надетый под вельветовую куртку. Включенные фотоэлементом уличные фонари осветили дорогу. Сэм двинулся вдоль Оушн-авеню, заглядывая в окна магазинов, пытаясь прочувствовать вечернюю жизнь города.

Мунлайт-Ков, по его сведениям, процветал, безработицы практически не было – благодаря компании «Микротехнология новой волны», которая обосновалась в Мунлайт-Кове лет десять назад, – и все-таки Сэм видел тут и там признаки упадка. Магазин дорогих подарков Тейлора и ювелирный Сэнджера прекратили торговлю; сквозь запыленные витринные стекла он видел лишь пустые полки и прилавки, под ними лежали густые неподвижные тени. Магазин модной одежды «Новые привычки» проводил распродажу перед окончательным закрытием, и, судя по редким покупателям, товар расходился вяло даже за 50–70 процентов от первоначальной цены.

За время, пока он прошел два квартала по одной стороне Оушн-авеню и вернулся на три квартала до таверны «Рыцарский мост» по другой, сумерки мягко уступили свое место темноте.

Город наполнялся морским перламутровым туманом, сам воздух, казалось, был пульсирующим, светящимся; лиловая дымка легла повсюду, уступая место лишь редкой желтизне фонарей, а сверху на улицы медленно падал глухой мрак ночи. Впереди за три квартала двигалась единственная машина; кроме Сэма, по улице никто не шел. Загадочный свет умирающего дня, его одиночество на пустынной улице наводили Сэма на мрачное сравнение Мунлайт-Кова с городом-призраком, городом мертвых. По мере того как сгущающийся туман все выше взбирался на холмы побережья, все больше казалось, что торговая улица навсегда покинута своими хозяевами, что магазины предлагают на продажу лишь паутину, пыль и тишину.

– Сэм, старый черт, не бери в голову, – сказал он себе, – не все так мрачно.

Жизненный опыт превратил Сэма в пессимиста. Жизнь наломала ему бока, и улыбающийся оптимизм был теперь не про него.

Щупальца тумана обвили его ноги. Обескровленное солнце едва цеплялось за край морского горизонта. Сэм почувствовал озноб. Он стоял рядом с таверной и решил зайти выпить чего-нибудь.

Из трех посетителей таверны ни один не производил впечатления человека, довольного жизнью. За темным виниловым столиком мужчина и женщина средних лет перешептывались, склонившись друг к другу. У стойки парень с бледным лицом сжимал в руках кружку пива, нахмурился брови так, словно увидел в напитке муху.

Таверна «Рыцарский мост», в соответствии со своим названием, должна была передавать атмосферу старой Англии. Спинка каждого стула была украшена резными рыцарскими гербами, раскрашенными от руки и, вероятно, срисованными с какой-то геральдической книги. В углу стояла статуя рыцаря в доспехах. Стены были украшены сценами охоты на лис.

Сэм уселся на табурет у стойки. Бармен тотчас поспешил к нему, на ходу протирая отполированный до блеска дубовый прилавок.

– Что будете пить, сэр? – Каждая черта лица и тела бармена отличалась закругленностью: выпуклый живот, полные руки, густо заросшие волосами; пухлое лицо с маленьким ртом и носом пуговкой; круглые глаза, придававшие его лицу выражение постоянного удивления.

– У вас есть «Гиннесс»? – спросил Сэм.

– Это основа каждого настоящего бара, я бы сказал. Если бы у нас не было пива «Гиннесс»... ну, тогда нам следовало бы назвать заведение чайной. – Медовый голос бармена, казалось, закруглял каждое слово. Он вовсю старался угодить. – Хотите ледяного или слегка холодного? Есть любое.

– Холодненького.

– Правильно! – Возвратившись с «Гиннессом», бармен представился: – Берт Пекем, совладелец этого бара.

Аккуратно наливая пиво по краю бокала, чтобы избежать обильной пены, Сэм ответил:

– Сэм Букер. Прекрасное место, Берт.

– Спасибо, расскажите при случае своим знакомым. Я вообще стараюсь, чтобы здесь было уютно, чтобы был хороший выбор. Совсем недавно мы не жаловались на недостаток посетителей, но в последнее время все словно решили бороться за трезвость или выпивают у себя дома, одно из двух.

– Ну, положим, сегодня вечер понедельника.

– За последние два месяца мы не набирали и половины клиентов даже в субботу вечером, чего никогда не случалось раньше. – Круглое лицо Берта Пекема сморщилось в гримасе досады. Он не забывал в ходе разговора протирать стойку. – Я не знаю, что с ними стряслось, – может, жители Калифорнии свихнулись на своем здоровье и проводят весь день за аэробикой, едят только проросшие злаки, яичные белки или еще черт знает что, пьют только минералку, сок или, может, птичье молоко. Но послушайте, денек-другой такой жизни, и вас начнет тошнить от этого.

Сэм отпил «Гиннесса», вздохнул с удовлетворением и произнес:

– Это пиво никому не вредит.

– Верно сказано. Кровь живей циркулирует. И вообще чувствуешь себя в норме. Да любой пастор должен просто призывать людей выпить в день пару кружек. Но не больше – это закон. – Вероятно осознав, что чересчур настойчиво полировал стойку, бармен остановился и скрестил руки на груди. – В нашем городе проездом, Сэм?

– Да, – солгал Сэм. – Путешествую по побережью от Лос-Анджелеса до Орегона, ищу, где бы осесть, пожить на пенсии.

– Пенсия? Шутите?

– Ну, почти пенсия.

– Но сколько же вам? Сорок? Сорок один?

– Сорок два.

– Так вы кто? Взломщик?

– Нет, просто брокер на фондовой бирже. Вложил хорошие деньги в надежное дело. Теперь наконец могу отдохнуть от беготни и спокойно пожить, управляя своим собственным портфелем ценных бумаг. Хотел бы осесть в спокойном месте, где нет ни смога, ни преступности. Я этого вдоволь навидался в Лос-Анджелесе.

– Это правда, что люди делают большие деньги на фондовой бирже? – спросил Пекем. – Мне всегда казалось, что с тем же успехом можно играть в азартные игры. Разве не все разорились на этом деле два года тому назад?

– Для человека со стороны это чистая игра со случаем. Но не для брокера. Просто не надо заниматься все время одной только игрой на повышение. Никакой рыночный курс никогда не

падает и не поднимается до бесконечности, надо только знать, когда начинать плыть против течения.

– Ничего себе – пенсия в сорок два года. – Пекем был явно в восхищении. – Когда я подался в бармены, я думал, что буду обеспечен на всю жизнь. Спросите у моей жены – в прежние добрые времена, когда люди пили, чтобы отпраздновать удачу, забыться в печали, не было лучше дела, чем таверна. А теперь – смотрите, – он показал на почти пустой зал. – Я заработал бы больше, продавая презервативы в монастыре.

– Подлейте еще, – попросил Сэм.

– Хотя, может быть, добрые времена еще вернутся.

Когда Пекем возвратился со второй бутылкой пива, Сэм сказал:

– Возможно, Мунлайт-Ков – это именно то, что мне нужно. Я думаю остановиться здесь, присмотреться. У вас есть на примете какой-нибудь мотель?

– Из действующих остался только один. У нас никогда не жаловали туристов. Да они к нам и не ехали. До этого лета у нас было четыре мотеля. Теперь три из них закрылись. Не знаю... хорошо ли это, плохо ли, но вроде как наш городок погибает. Как мне кажется, мы не то чтобы теряем население, но мы, черт побери, что-то теряем. – Бармен вновь пустил в ход свою тряпку. – Во всяком случае, попробуйте обратиться в «Ков-Лодж» на Кипарисовой аллее. Это будет последний перекресток на Оушн-авеню; аллея тянется вдоль побережья, возможно, вам достанется вид на океан. Чистое, спокойное место.

5

Крисси Фостер выскочила из нижнего холла через парадную дверь на крыльцо. Она побежала вниз по ступенькам, споткнулась, обрела равновесие, повернула направо и помчалась через двор мимо голубой «хонды», видимо принадлежащей Такеру. Она направлялась к конюшне. Сумрак медленно надвигался. Казалось, громом гремели по утопанной земле ее теннисные туфли. «Надо постараться бежать бесшумно и быстро», – подумала Крисси. Тогда родители и Такер, выбежав во двор, не смогут засечь ее по звуку шагов.

Почти все небо обуглилось до черноты, и лишь запад был окрашен темно-красным пламенем, словно весь свет октябрьского дня сжигался на жертвенном огне, разведенном в гигантском очаге – там, у горизонта. От моря поднимался легкий туман, и Крисси надеялась на его скорое превращение в плотную пелену, в убежище для нее, так нуждавшейся в защите.

Наконец она добралась до первого из двух длинных зданий конюшни и откатила вбок тяжелую дверь. В нос ударил знакомый и всегда нравившийся ей запах – запах соломы, сена, фуража, конского пота, сухого навоза и упряжи.

Она включила ночное освещение – три слабенькие лампочки – достаточно, чтобы все видеть, не тревожа при этом лошадей. По обе стороны от центрального прохода тянулись стойла, по десять слева и справа, несколько любопытствующих лошадиных морд выглянуло из них. Часть животных принадлежала родителям Крисси, но большинство содержалось здесь для других обитателей Мунлайт-Кова и его окрестностей.

Под шумное конское дыхание и жалобное посапывание Крисси бежала через всю конюшню к последнему боксу с левой стороны, где стояла серая в яблоках кобыла по кличке Годива.

К каждому стойлу можно было добраться и с улицы, но в это холодное время года ворота стойл были наглухо закрыты. Годива была послушной лошадкой и особенно дружелюбно относилась к Крисси, но была очень пуглива в темноте, поэтому и речи не могло быть о том, чтобы открывать ворота с улицы и заходить прямо в стойло. Гораздо безопаснее и проще было вывести кобылу через общий выход.

Годива уже ждала Крисси. Она вскинула морду, взметнув свою густую белую гриву, и в знак приветствия шумно выдохнула через ноздри воздух.

Следя за дверью в конюшню, в которую в любую минуту могли ворваться родители и Такер, Крисси открыла дверцу бокса и выпустила кобылу.

– Будь умницей, Годива! О, пожалуйста, сделай одолжение!

Надевать седло и уздечку не было времени. Подбадривая лошадь, Крисси провела ее через склад фуража к другому выходу из конюшни, по пути спугнув мышь. Девочка откатила дверь, и внутрь ворвался свежий воздух.

Без стремян Крисси ни за что не забралась бы на лошадь.

К счастью, в углу стояла подставка, на которой подковывали лошадей. Не отпуская Годиву, Крисси подтащила ногой подставку поближе.

В этот момент на другом конце конюшни раздался крик Такера:

– Она здесь, в конюшне! – Он уже бежал к ней.

Подставка оказалась слишком низкой.

Крисси слышала тяжелые шаги Такера, она чувствовала, что он уже совсем рядом, но не поворачивала головы.

– Я поймал ее! – крикнул он.

Крисси ухватила за роскошную гриву Годивы, бросила свое тело вверх, изо всех сил пытаясь перекинуть ногу и с трудом удерживаясь на боку лошади.

Видимо, Крисси причиняла лошади боль, но старушка терпела. Она не билась, не сопротивлялась, словно понимая своим лошадиным инстинктом, что жизнь девочки зависит от ее смирения. Наконец Крисси удалось взгромоздиться на спину Годивы; посадка была неуверенной, но она держалась, сжав колени и уцепившись рукой за гриву. Другой рукой она похлопала лошадь по боку.

– Ну, давай же! Вперед!

Такер был уже рядом, он схватил ее за ногу, вцепился в джинсы.

Глаза его обезумели от ярости, ноздри раздувались, рот искривился в оскале. Крисси ударила его ногой в подбородок, и он разжал пальцы.

В то же мгновение Годива рванулась вперед через открытые ворота, в ночь.

– Она взяла лошадь! – вопил Такер. – Она на лошади!

Серая в яблоках мчалась к поросшему травой склону, который вел к морю.

Закат уже заканчивал рисовать свои последние темно-красные отблески на черной глади воды. В планы Крисси не входило выезжать на пляж, она боялась высокого прилива. В некоторых местах пляж был непроходим даже при низком приливе, а еще опаснее были ямы и камни, которые могла таить под собой глубина. Крисси не могла рисковать, видя за спиной погоню.

Даже без седла, на всем скаку Крисси удалось закрепиться на спине лошади, почувствовать себя увереннее. Она вцепилась обеими руками в густую гриву кобылы, используя ее вместо поводьев, и заставила лошадь повернуть влево, от моря. Там был проселок, который выводил в полумиле на местное шоссе, где она могла надеяться на чью-нибудь помощь.

Покорная Годива вовсе не возмущалась таким варварским способом управления ею и мгновенно повернула влево, словно послушавшись поводьев и уздечки. Топот копыт эхом отражился от стен конюшни.

– Молодец, старушка, – крикнула Крисси, – ты мне нравишься!

Они промчались мимо входа в конюшню, и Крисси успела заметить Такера, показавшегося в дверях. Он был явно озадачен, вероятно, думал, что Крисси уже на побережье. Кинулся вслед за ней, но, несмотря на удивительную прыть, сразу отстал.

На проселочной дороге Крисси заставила Годиву бежать по обочине. Наклонившись вперед, она припала к шее лошади, боясь упасть; каждый удар копыт отдавался в теле. Слева от

себя Крисси увидела свой дом – окна пылали светом, но не гостеприимством. Это был уже не ее дом, это был ад в четырех стенах, и свет в окнах казался ей теперь дьявольскими огнями.

Внезапно она увидела кого-то, бегущего ей наперерез. Низкорослое и быстрое существо размером с человека двигалось на четырех лапах, или так ей показалось. Оно было уже ярдах в двадцати и стремительно приближалось. Крисси заметила другую такую же странную фигуру, приблизительно одного роста с первой и бегущую вслед за ней. Хотя из-за света, бьющего из окон, было трудно различить их очертания, Крисси догадывалась, кем они были. Или, вернее, так: она догадывалась, кем они могли быть, но еще не могла обозначить это словами. Сегодня утром она видела их в холле наверху; они были такими же людьми, как она, но теперь перестали быть ими.

– Ну давай же, Годива, давай!

Даже не понукаемая поводьями, лошадь прибавила ходу; невидимая нить связывала ее и всадницу воедино.

Вот они миновали дом и помчались вдоль лугов. Проселок должен был вывести на местное шоссе через полмили к востоку. Годива всю использовала мощь своих быстрых ног, ее бешеный бег был столь стремителен и размерен, что Крисси скоро перестала осознавать реальность гонки, ей уже казалось – они скользят над землей, почти летят.

Взглянув через плечо, она не увидела своих преследователей, хотя сомнений не было – они там, сзади, среди теней. Закат уже догорел, освещение от окон дома почти исчезло, а луна лишь начинала лить свой свет на холмы на востоке – что-либо увидеть было трудно.

Но оказалось, что появился еще и третий преследователь: она увидела свет от фар «хонды», которую завел Такер. Он уже отъезжал от дома и был от нее в двухстах ярдах. Годива, конечно, легко бы ушла от человека или животного, но с машиной соревноваться ей было явно не под силу. Такер догнал бы ее через несколько секунд. В памяти Крисси отпечаталось его лицо: нависшие брови, острый нос, тяжелый мрамор глубоко посаженных глаз. Он излучал вокруг себя ту же ауру необычной жизненной силы, которую отмечала Крисси в своих родителях, – избыток нервной энергии и странный голодный взгляд. Его никто не остановит, он даже может попытаться сбить Годиву машиной.

Но машина не поможет ему на пересеченной местности. Крисси направила лошадь коленями и рукой в сторону от проселка и шоссе. Годива послушалась беспрекословно, и они устремились к лесу, видневшемуся за лугом в пятистах ярдах к югу.

Лес стоял темной стеной, лишь слегка выделяясь на фоне чуть менее темного неба. Путь, который им предстояло преодолеть, был знаком Крисси, но больше она надеялась на лошадиное чутье и зрение.

– Ну давай же, давай, старушка, – подбадривала Крисси лошадь.

Вихрем мчались они в свежем, неподвижном воздухе. Горячее дыхание Годивы смешивалось с ее собственным и оставляло позади шлейф белого пара. Сердце билось в одном ритме с бешеным топотом копыт. Крисси чувствовала себя слившейся с лошадью, их дыхания, сердца и кровь соединились в одно целое.

Она вдруг осознала, что в бегстве от смертельной опасности она открывает для себя какое-то приятное возбуждение. Встреча со смертью или, в ее случае, даже с чем-то пострашнее, чем смерть, оказывается, таит в себе странно возбуждающее чувство, тайно привлекает к себе, причем в такой степени, какой она себе никогда не представляла. Это открытие пугало Крисси не меньше, чем люди, преследующие ее.

Крисси плотнее прижималась к Годиве, пытаясь, сжав колени, удержаться и избежать падения при опасных прыжках на неоседланной лошади. Здесь, в поле, она почувствовала надежду на спасение. Лошадь слушалась ее и была выносливой. Когда они проскакали три четверти пути и вблизи замаячил лес, Крисси решила снова повернуть на восток по направлению к местному шоссе...

Годива упала.

Споткнувшись на норе суслика или кролика, а может быть, на обычной канаве, она рухнула на землю. Попыталась встать и снова упала, испуганно заржав.

Крисси боялась, что при падении лошадь придавит ее или сломает ей ногу, но так как на Годиве не было ни стремян, ни прочей упряжи, то девочка слетела с нее, перемахнув через голову, и приземлилась в трех ярдах от лошади. Удар о землю был все же очень чувствителен, она задохнулась и едва не откусила себе язык. К счастью, все обошлось.

Годива поднялась первой, опомнившись после падения, и стала топтаться на месте, припадая на переднюю правую ногу, – видимо, растянула сухожилие. Будь нога сломана, ей было бы не подняться.

Крисси позвала лошадь, ведь Годива могла далеко уйти от места падения. Но вместо окрика издала лишь слабый шепот.

Лошадь уходила на запад, удаляясь от Крисси.

Поднявшись, девочка сообразила, что хромая лошадь ей больше не пригодится, и не стала больше звать ее. Она не пришла еще в себя от удара, задыхалась, но надо было идти вперед, так как, без сомнения, погоня продолжалась.

«Хонда» с включенными фарами стояла на обочине дороги в трехстах ярдах к северу. Закатное солнце посылало из-за горизонта свой последний кровавый луч, поле уже погрузилось в темноту. Крисси не могла разобрать, двигаются ли по нему ее преследователи, но понимала, что они уже недалеко и через несколько минут она попадет к ним в лапы.

Она повернула на юг, к лесу, прошла шагом десять-пятнадцать ярдов, чтобы размять ноги, нывшие после удара о землю, и наконец побежала.

6

За долгие годы своей работы Сэм обнаружил множество уютных гостиниц на калифорнийском побережье. Каждую из них украшала умелая кирпичная кладка, прекрасный подбор деревянных деталей, изысканная линия крыши, наклонные стекла, уютные внутренние дворики, вымощенные камнем. Мотель «Ков-Лодж», несмотря на приятное название, не принадлежал к разряду калифорнийских жемчужин. Это было обычное оштукатуренное здание в два этажа, на сорок комнат. Построено оно было в виде прямоугольника, имелся также пристроенный кафетерий, но не было плавательного бассейна. Все дополнительные удовольствия ограничивались автоматами для продажи льда и напитков, расположенными на обоих этажах здания. Вывеска над мотелем не была ни кричащей, ни ультрамодной – она была невзрачной и простой, а значит, дешевой.

Дежурный администратор дал Сэму ключи от номера на втором этаже, с видом на океан, хотя для Сэма это не имело никакого значения. Судя по немногочисленным машинам на стоянке, большая часть номеров пустовала. На каждом из этажей было двадцать номеров, по десять с каждой стороны коридора, который был устлан ярко-оранжевым, режущим глаза нейлоновым ковром. Окна с восточной стороны выходили на Кипарисовую аллею, с западной – на океан. Номер, доставшийся Сэму, был расположен в северо-западном углу здания, обстановка была вполне стандартной: огромная кровать с провисшим матрасом и выцветшим сине-зеленым покрывалом, тумбочки у кровати, прожженные сигаретами, телевизор, журнальный стол, два обычных стула с прямыми спинками, письменный стол, также пострадавший от сигарет, телефон, ванная и одно большое окно, из которого открывался вид на ночное море.

В таких номерах обычно кончают жизнь самоубийством неудачливые коммерсанты, оказавшиеся на грани разорения.

Сэм распаковал два своих чемодана, разложив вещи в стенном шкафу и ящиках стола. Затем он сел на край кровати, и взгляд его надолго застыл на телефоне.

Сэм собирался позвонить своему сыну Скотту, но связаться с ним из гостиничного номера не мог. Если местная полиция вдруг заинтересуется им, они посетят «Ков-Лодж», проверят его заказы на междугородные разговоры, узнают номера, по которым он звонил, и сопоставят сведения о нем с данными абонентов. Для сохранения инкогнито он может пользоваться телефоном в номере только для звонков по контактному телефону ФБР в Лос-Анджелесе. Он может позвонить туда, и ему ответят: «Страховая компания „Берчфилд“, чем мы можем вам помочь?» Если местная полиция пойдет дальше по цепочке, телефонная компания подтвердит, что номер действительно принадлежит «Берчфилд». Это фиктивная компания, брокером которой якобы является Сэм, так что до ФБР им не докопаться. Но пока у него не было информации, телефон можно было оставить в покое. Он позвонит сыну позже, из автомата, когда пойдет на ужин.

По правде говоря, его совсем не тянуло разговаривать с парнем. Но надо было. Сэм боялся этих разговоров. Это началось примерно три года назад, когда Скотту было тринадцать, и к тому времени прошел год, как он остался без матери. Если бы Карен была жива, неизвестно, испортился бы характер сына столь быстро и столь бесповоротно. Сэм стал размышлять о собственной роли в трагедии сына. Мог ли он что-то сделать? Был ли этот разрыв с сыном неизбежностью? В чем дело, в каком-то изъяне в личности сына или в предписанной ему свыше судьбе? Или то, что произошло со Скоттом, это прямой результат неумения его отца найти путь к спасению сына?

Если бы этот Вилли Ломен попался ему сейчас под руку, его ожидал бы такой же грустный конец, как у неудачливого коммерсанта, потерявшего все. Хотя этот Ломен и не коммерсант вовсе.

Пиво «Гиннесс».

Хорошая мексиканская кухня.

Голди Хоун.

Страх смерти.

Причин, чтобы продолжать жить, наверное, маловато, зато патетики хоть отбавляй. Однако не исключено, что этих причин как раз достаточно.

Сэм ополоснул лицо и руки холодной водой. Но усталость осталась, ее не смоешь под краном. Сэм достал из чемодана наплечную кобуру из мягкой кожи, надел ее под куртку. Оттуда же появился «смит-вессон» калибра 0,38, полицейский вариант. Сэм зарядил его и положил в кобуру. Куртка была сшита таким образом, чтобы можно было носить под ней оружие – оно нигде не выпирало, а кобура была так упрятана под мышку, что пистолет не заметишь даже при расстегнутой куртке.

Он и сам не хуже, чем его куртка – для ношения оружия, был приспособлен для выполнения специальных заданий. Пять футов одиннадцать дюймов роста, не высокий и не коротышка. Весил сто семьдесят фунтов – кости, мускулы, никакого жира, но в то же время с бычьей шеей. На лице тоже не было особых примет: оно не было ни красивым, ни отталкивающим, ни широким, ни узким. Лицо было обычным. Каштановые волосы подстрижены так, что на эту прическу не обратили бы внимания ни в эпоху длинных волос, ни во времена коротких стрижек.

Из черт лица выделялись только глаза. Они были серо-голубые с синими отблесками. По словам женщин, таких красивых глаз они никогда раньше не видели. Но это было в те далекие времена, когда он слушал, что ему говорили женщины.

Сэм проверил, как пристегнута кобура.

Он не предполагал, что пистолет ему сегодня пригодится. Он еще не начал действовать и не будет привлекать к себе внимание; пока он никого не задел, и никто не собирается давать сдачи.

И тем не менее с этой минуты ему придется носить оружие с собой. Оставлять его в номере или в арендованной машине нельзя; в случае обыска револьвер обнаружат, и тогда вся

легенда полетит к черту. Брокер, ищущий место для отдыха, не может возить с собой револьвер такой модели и в таком исполнении. Это был полицейский вариант.

Положив ключ в карман, Сэм отправился на ужин.

7

Заняв свой номер в «Ков-Лодж», Тесса Джейн Локленд долго стояла у широкого окна, не включая света. Она всматривалась в ночной огромный океан, затем перевела взгляд на пляж, на котором, как ей сказали, ее сестра Джэнис привела в исполнение свой полный мрачной решимости замысел самоубийства.

Официальная версия ее смерти гласила, что Джэнис отправилась на побережье вечером в одиночку в состоянии глубокой депрессии. Она приняла огромную дозу валиума, запив таблетки кока-колой. Затем сорвала с себя одежду и поплыла в сторону Японии. Потеряв сознание, она вскоре утонула в холодной океанской воде.

– Бред, – тихо сказала Тесса, словно разговаривая со своим туманным отражением в холодном стекле.

Джэнис Локленд Кэпшоу всегда была жизнерадостным человеком, неисправимой оптимисткой – эта черта была генетически присуща членам семьи Локленд. Никогда в жизни Джэнис не плакала от жалости к себе; даже если бы она попыталась это сделать, через минуту начала бы смеяться над своей слабостью, а через две – убежала бы в кино или на сеанс к психотерапевту. Когда умер Ричард, Джэнис не позволяла своей печали перерасти в депрессию, хотя она так любила его.

Что же могло заставить ее потерять контроль над своими эмоциями? Выслушивая версии полицейских, Тесса не испытывала ничего, кроме сарказма. И они хотели, чтобы она в это поверила? С тем же успехом они могли рассказать, что на решение о самоубийстве Джэнис толкнуло плохое обслуживание в ресторане. Почему бы и нет? Или телевизор у нее сломался, и она не посмотрела свою любимую мыльную оперу. Вот это повод! Эти версии ничем не хуже, чем та чушь, которую написали полицейские и коронер¹ в своих отчетах.

Самоубийство.

– Бред, – повторила Тесса.

Из своего окна она могла видеть лишь узкую полоску пляжа внизу, где берег встречался с линией пенистого прибоя.

Песок странно поблескивал в холодном свете молодой луны, его бледная лента изгибалась к северу и к югу вдоль бухты.

У Тессы появилось желание побывать на пляже, там, откуда ее сестра якобы отправилась в ночное плавание к собственной могиле и куда прилив через несколько дней вернул ее распухшее, искромсанное тело. Тесса отвернулась от окна, зажгла лампу. Потом надела кожаную куртку, перебрала сумку через плечо и покинула номер, закрыв дверь на ключ.

Она была уверена – почти подсознательно, – что, придя на пляж и встав там, где, возможно, стояла Джэнис, она найдет ключ к разгадке тайны, испытает некое озарение, вспышку интуиции.

8

Когда серебристая луна поднялась над темными холмами на западе, Крисси уже бежала вдоль опушки, высматривая просвет, чтобы, скрывшись в лесу, уйти от преследователей.

---

¹ Коронер — следователь, производящий дознание в случаях насильственной или скорострительной смерти.

Вскоре она добежала до камня-пирамиды, так называли этот камень в два человеческих роста из-за его трехгранной формы с заостренной вершиной; в детстве Крисси воображала, что эту пирамиду построили неведомо как заброшенные в их края египтяне ростом в несколько дюймов. Она часто играла на этом лугу и в этом лесу и была знакома с местностью не хуже, чем с комнатами в своем доме, и, конечно, лучше, чем Такер и ее родители. Это давало ей преимущество. Миновав камень-пирамиду, она углубилась в лесной мрак по узкой оленьей тропе, ведущей к югу.

Сзади не доносилось никакого шума, и Крисси поэтому не оглядывалась. Однако она подозревала, что, подобно хищникам, ее родители и Такер крадутся за ней бесшумно, чтобы обнаружить себя лишь в последнем броске.

Прибрежные леса состояли в основном из различных пород сосны, но изредка попадались и эвкалипты, их алая листва украшала лес в осенние дни, но сейчас листья казались обрывками черного савана. Извилистая тропа привела Крисси к спуску в глубокое ущелье. В этой части леса не было густых зарослей, и деревья пропускали сквозь листву холодный лунный свет, оставлявший свой ледяной узор на земле. Начинаящийся туман был слишком тонок, чтобы сдерживать этот бледный поток, но в некоторых местах под густыми ветвями лежал ночной мрак, совсем не тронутый светом.

Даже там, где луна освещала путь, Крисси не решалась бежать, так как наверняка вся тропа была изрезана корнями деревьев. Тут и там наклонившиеся ветви образовывали все новые препятствия, но Крисси, не останавливаясь ни на минуту, все шагала и шагала вперед.

Как бы вчитываясь в книгу своих собственных приключений, которые она так любила, Крисси начала сочинять.

ЮНАЯ КРИССИ УВЕРЕННО ПРОДВИГАЛАСЬ ВПЕРЕД, ОНА БЫЛА САМА ЛОВКОСТЬ И СООБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ, И ТЕПЕРЬ ЕЕ НЕ ПУГАЛА НИ НОЧНАЯ ТЬМА, НИ МЫСЛЬ О ЕЕ УЖАСНЫХ ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЯХ. ЧТО ЗА ЧУДО-ДЕВОЧКА!

Уже скоро она спустится на дно ущелья, откуда сможет повернуть на запад к морю или на восток к дороге, туда, где через ущелье перекинут мост. В этом месте, более чем в двух милях от Мунлайт-Кова, почти не было домов, еще меньше их было у побережья, где по закону штата на большей части берега было запрещено строительство. Вряд ли там Крисси кто-нибудь поможет, у дороги же шансов было ненамного больше: машины проезжали редко, а кроме того, там мог оказаться Такер со своей «хондой». Он мог поджидать Крисси и засечь машину, которую она остановит.

Размышляя, в какую сторону повернуть, Крисси спустилась на дно ущелья. Деревья вдоль тропы уступили место густому колючему чапаралу². Над головой нависали ветви гигантского папоротника, в его зарослях всегда запутывался туман с побережья. Ветви задевали Крисси, и она содрогалась от их холодных прикосновений, похожих на касание тысяч крошечных пальцев.

На дне ущелья протекал широкий ручей, и Крисси решила передохнуть на его берегу. Некогда глубокое русло сейчас совсем обмелело; вода медленно текла, слабо мерцая в лунном свете.

Ночь была безветренной.

Беззвучной.

Поежившись, Крисси поняла, как холодно в лесу. Джинсы и фланелевая рубашка подходили для октябрьского дня, но не для сырой осенней ночи.

Она замерзла, задыхалась, была испугана, не знала, куда бежать, но еще больше сердилась сама на себя за эту слабость тела и духа. В потрясающих приключенческих романах Андре Нортон неустрашимые героини выдерживали куда более длительные погони – а какой там

² Чапараль — заросли засухоустойчивых вечнозеленых кустарников в Северной Америке.

был холод и какие испытания! – и всегда они действовали хладнокровно, быстро принимали решения, и обычно все им удавалось.

Подбодрив себя сравнением с героинями Нортон, Крисси начала перебираться через ручей. У самого берега она едва не увязла в глине, намытой со склонов ущелья дождями. Прыжок через ручей не удался – она замочила свои теннисные туфли, на которые к тому же налипла грязь. Крисси не повернула ни на запад, ни на восток, а направилась на юг, карабкаясь вверх по склону ущелья.

С этой частью леса она уже была не знакома, но не боялась заблудиться, так как умела отличать запад от востока по движению тумана и положению луны. Крисси рассчитывала через милю достичь обжитого района, где начинались корпуса компании «Микротехнология новой волны» и жилые дома. Там, возможно, ей помогут.

Тогда-то и начнутся настоящие проблемы. Ей придется убеждать людей, что ее родители уже больше не ее родители, что они в кого-то превратились, или одержимы, или попали под влияние какого-то духа... или какой-то силы. И еще убедить в том, что они пытались превратить ее в одну из себе подобных.

– Да уж, – произнесла она вслух. – Задача.

Крисси была сообразительной, ловкой, разумной, но она была всего лишь одиннадцатилетней девочкой. Ей будет трудно заставить кого-нибудь поверить ей. Тут сомнений быть не может. Они будут слушать, кивать, улыбаться, а потом позвонят ее родителям, и доводы родителей окажутся для них убедительнее ее слов...

– Но надо попробовать, – сказала она себе, выбираясь из ущелья. Если не попытаться убедить кого-нибудь, куда ей деваться? Просто сдаться? Ни за что!

Позади, с другого склона ущелья, раздался пронзительный крик. Не человеческий крик, но и не крик животного. В ответ на первый вопль раздался второй, затем третий, и эти крики принадлежали разным существам, каждый из них звучал по-своему.

Крисси замерла, прислонившись к сосне, под покровом ветвей. Она смотрела назад и слушала, как ее преследователи начали завывать, и их протяжный вой напоминал крики койотов – но был каким-то странным, пугающим. Этот звук леденил душу, проникал под кожу холодной острой иглой, впивающейся в спинной мозг. Их вой, скорее всего, признак их уверенности: скоро они поймут ее, следовательно – нечего больше таиться.

– Кто вы? – прошептала Крисси.

По ее подозрениям они видят в темноте не хуже кошек.

Может быть, у них и нюх, как у собак?

Сердце забило как сумасшедшее, причиняя боль.

Чувствуя себя беззащитной и одинокой, Крисси повернулась спиной к преследователям и продолжила свой путь наверх.

9

Тесса Локленд добралась до конца Оушн-авеню, прошла через пустынную автостоянку и вышла на городской пляж. Ночной бриз с океана уже набирал силу, он нес с собой холод, и Тесса была довольна, что сообразила надеть теплые брюки, шерстяной свитер и кожаную куртку.

Она шла теперь по мягкому песку, направляясь к берегу моря, куда уже не проникал свет городских фонарей, мимо искореженного морскими ветрами кипариса, напомнившего ей своими изогнутыми, словно расплавленными линиями скульптуры Эрзи. У кромки пенистого прибоя она остановилась и устремила взгляд на запад. Молодая луна слабо освещала широкую бухту; Тессе были видны лишь три линии низких, омытых морской пеной волнорезов, проревающие ночной мрак.

Тесса попыталась представить свою сестру. Вот она стоит здесь, на пустынном пляже, заглатывает тридцать-сорок таблеток валиума, запивает их кока-колой, раздевается и бросается в холодное море. Нет. Кто угодно, но не Джэнис.

Чем дольше ходила Тесса вдоль пляжа, тем сильнее становилось ее убеждение в том, что официальные лица из полиции в Мунлайт-Кове либо непроходимые глупцы, либо обманщики. Она вглядывалась в песок, в кипарисы на берегу, в выветренные скалы, освещенные переливчатым светом луны. Конечно, она не искала улики, их уничтожили бы ветер и прилив, даже если бы они и были. Скорее сам ландшафт, сама ночь, с ее мраком, холодным ветром, арабесками густеющего тумана, подскажут ей верный ход рассуждений, и она поймет, что на самом деле случилось с Джэнис, найдет ключ к разгадке тайны.

Тесса занималась всю жизнь документальным кино, в том числе по заказам промышленных фирм. Если ей было трудно понять замысел или значение фильма, она часто находила выход в погружении в атмосферу места, где предполагались съемки. Это помогало найти подходы к теме, к стилистике будущего фильма. Продумывая сцены для фильма о путешествиях в экзотические страны, она часто проводила несколько дней в прогулках по Сингапуру, Гонконгу или Рио просто для того, чтобы почувствовать колорит этих мест. Это помогало больше, чем просмотр литературы или «мозговые атаки», хотя и от этих способов она никогда не отказывалась.

Тесса не успела пройти и двухсот футов к югу, как услышала пронзительный, протяжный крик, заставивший ее замереть на месте. Звук доносился издалека, он словно взлетал и падал, а затем исчез.

Странный вопль вызвал у нее озноб и недоумение. Похоже на вой собаки, но это явно не собака. В этом звуке были и кошачьи ноты, но для кошки он звучал чересчур громко. Таким мог быть, по ее понятиям, крик пумы, но подобные животные не водились здесь, по крайней мере – их не могло быть вблизи города.

Такой же жуткий крик вновь прорезал ночь, когда Тесса собралась продолжить свою прогулку по пляжу. Он доносился – она была в этом уверена – с вершин скал, нависавших над пляжем, с той стороны, где уже почти не было домов. На сей раз крик закончился на протяжной гортанной ноте, похожей на лай огромной собаки, но лишь похожей, не более того.

«Кто-то держит на холмах какое-то диковинное животное, возможно волка или барса», – подумала она.

Это объяснение не удовлетворило ее, так как крик не был похож на крик дикого животного, в нем был еще какой-то непонятный, странный призыв. Она ждала, что вопль раздастся снова, но вокруг была тишина.

Мрак между тем становился все чернее. Туман сгущался, а на половину луны напозла тяжелая туча.

Тесса решила вернуться на пляж утром и еще раз все осмотреть. Она поспешила туда, где Оушн-авеню проливал туманный свет своих фонарей. Она даже не отдавала себе отчета в том, что идет очень быстро – почти бежит, пока не покинула берег и не пересекла автостоянку. Позади уже остался целый квартал, и только тогда по своему учащенному дыханию Тесса сообщила, что всю дорогу с пляжа она преодолела бегом.

10

Томас Шаддэк погрузился в темноту, где не было ни холода, ни тепла, где он казался себе невесомым, где ничто не прикасалось к его коже, где он был бесплотным, без мускулатуры и костей, где он лишился малейшей физической сущности. Лишь тонкая нить мысли связывала его с собственной телесной оболочкой, но в глубине подсознания он все-таки ощущал себя человеком – сухопарым мужчиной шести футов двух дюймов роста, ста шестидесяти пяти

фунтов веса, с вытянутым лицом, высокими бровями и карими глазами столь яркого оттенка, что они казались почти желтыми.

Он также краем сознания понимал, что он раздет и погружен в бассейн самой совершенной в мире сурдокамеры, которая снаружи выглядела как обычный больничный бокс, но была раза в четыре больше.

Единственная лампочка малой мощности была выключена, ни один луч света не проникал в помещение. Неглубокий, в несколько футов, бассейн был заполнен десятипроцентным раствором сульфата магния, сообщавшим воде максимум энергетического потенциала. Все параметры камеры регулировались компьютером, температура раствора поддерживалась в диапазоне от 93° по Фаренгейту – температура, при которой тело, погруженное в жидкость, минимально ощущает гравитацию, – до 98° по Фаренгейту, при которых достигается минимальный теплообмен между телом и окружающей средой.

Шаддэк не страдал клаустрофобией. Через пару минут пребывания в сурдокамере ощущение замкнутого пространства полностью улетучилось.

Теперь он был лишен всякого влияния извне – зрительного, слухового, почти полностью – вкусового; он не ощущал запаха, прикосновений, собственного веса, времени, пространства – теперь он мог позволить своей мысли преодолеть притяжение бренной плоти и устремиться к прежде недостижимым вершинам творческих озарений, к рассмотрению идей, сложность которых не позволяла к ним подступиться в обычном состоянии.

Даже без подавления мешающих раздражителей он был гением. Гением называл его журнал «Тайм», и, значит, это должно быть правдой. Он создал компанию «Микротехнология новой волны», превратив ее из маленькой фирмы с двадцатью тысячами первоначального капитала в гиганта с трехсотмиллионным годовым оборотом, он разработал и внедрил суперсовременную микротехнологию.

Однако на этот раз Шаддэк вовсе не собирался концентрироваться на проблемах текущих исследований.

Он использовал эту камеру для отдыха, а также для погружения в призрачный мир видений, который всегда околдовывал и возбуждал его.

Вот что предстало перед его мысленным взором в этот вечер.

Он видел тонкую нить, связывающую его с действительностью, а кроме того, ощущал себя внутри гигантской работающей машины, по своим размерам сравнимой разве что со Вселенной. Видение казалось сном, но было бесконечно ярче и отчетливее любого сна. Он был подобен пылинке внутри освещенного странным светом огромного воображаемого механизма. Он двигался среди массивных перегородок, гигантских опор для вращающихся осей, приводных ремней; миллионы поршней двигались в клапанах и передавали движение гигантским кривошипно-шатунным механизмам, а те, в свою очередь, – маховикам различных размеров. Гудели сервомоторы, грохотали компрессоры, через искрящиеся переключатели и миллионы проводов электрический ток поступал в самые удаленные уголки машины. Но для Шаддэка самым возбуждающим в этой картине было удивительное соединение сложнейшей механики с органической тканью: среди цилиндров, поршней, ремней и алюминиевых патрубков были видны части живого существа, работающие в одном ритме с машиной. Незримый конструктор подключил к механизму человеческие сердца, неустанно пульсирующие, одни из них гнали кровь по артериям, другие – машинное масло. В других частях механизма работали тысячи легких, они служили фильтрами и воздушными насосами; сухожилия и живая плоть сочленяли сложные переплетения труб и шлангов, обеспечивая гибкость и надежность, недоступные для механических соединений.

Все самое лучшее от природы и от машины было собрано в единую, совершенную структуру. Очарованный этим совершенством, Томас Шаддэк путешествовал по бесконечным коридорам своей мечты и не понимал – или ему было безразлично, – какая функция у этой машины,

что она производит. Он был в возбуждении от эффективности конструкции, продуманности соединений органического и неорганического, и не важно, зачем все это.

Всю свою жизнь, сорок один год сознательного существования, Шаддэк боролся против ограниченности человеческих возможностей, используя свою волю и ум для того, чтобы подняться над жалким уделом человеческого рода. Он хотел быть выше людей. Он хотел обладать всемогуществом Бога и управлять не только своим будущим, но и будущим всего человечества. Здесь, в сурдокамере, увлеченный зрелищем кибернетического совершенства, он был ближе к желанным метаморфозам, чем когда-либо в реальной жизни, и это придавало ему силы.

Однако видения были для него не только интеллектуальным стимулятором и эмоциональной поддержкой, он находил в них и мощный эротический заряд. Плавая в недрах полуорганического существа, видя его толчки и пульсации, он сдавался оргазму, который ощущал не в своих гениталиях, а во всем теле, в каждой его клеточке; он не осознавал, что от оргазма содрогается его тело, он находил удовольствие лишь в ощущениях своего раскрепощенного духа. Темную воду бассейна прорезали беловатые нити его спермы.

Несколько минут спустя таймер сурдокамеры включил внутренний свет, затем раздался приглушенный сигнал срочного вызова. Шаддэка вызывали из его мечты в реальную жизнь Мунлайт-Кова.

11

Глаза Крисси привыкли к темноте, и теперь она могла легче ориентироваться в незнакомой местности.

Выбравшись из ущелья, она отправилась через лес на юг, миновав два огромных кипариса, которые возвышались над обрывом. В отличие от своих прибрежных собратьев эти гиганты были прямыми и стройными, морские ветры не искорежили их стволы, не скрутили ветви. Крисси даже прикинула, не спрятаться ли ей в этих ветвях от своих преследователей, но не решилась, так как они могли учуять ее или обнаружить каким-то иным образом, и тогда ей конец – с дерева не убежишь.

Вскоре она бегом добралась до лесной поляны, тропа шла под уклон, сюда прорывался ветер с моря и трепал ее волосы. Сквозь туман еще пробивался лунный свет, невысокая сухая трава блестела под ним, будто схваченная заморозками.

Отсюда, с этой поляны, она заметила вдалеке, на автомагистрали, фары грузовика, он весь сверкал огнями, как рождественская елка. Но от мысли выйти на шоссе она отказалась сразу – там могли попасться только водители дальних рейсов, которые вообще не знают ее и не поверят ей. Кроме того, по телевидению и из газет она все время узнавала о зверских убийствах на таких дорогах, и в уме сразу же возник заголовок из газеты:

ЮНАЯ ОСОБА УБИТА И СЪЕДЕНА КАННИБАЛАМИ В ГРУЗОВИКЕ МАРКИ «ДОДЖ»; ЕЕ СЪЕЛИ С ГАРНИРОМ ИЗ БРОККОЛИ И ПЕТРУШКИ; КОСТИ ИСПОЛЬЗОВАЛИ ДЛЯ СУПА.

Местное шоссе было гораздо ближе, но на нем не было видно ни одной машины. Туда тоже не стоит соваться, наверняка наткнешься на Такера с его «хондой».

Опять эти странные крики сзади, и вроде бы воют все три существа. Значит, и Такер с ними. Попробовать все-таки выйти на шоссе?

Эти мысли бились у нее в голове, когда она пересекала поляну. Она еще не решила, куда сворачивать, а жуткие крики уже раздались совсем близко. Словно свора гончих псов гналась за ней по следу. Внезапно Крисси споткнулась и поняла, что падает. Показалось, что в бездну. Однако это была всего лишь дренажная канава восьми футов шириной и шести футов глубиной. Слава богу, она ничего себе не сломала.

Злобные завывания становились все громче, теперь в них появился оттенок бешенства и была нота жалости, голода.

Крисси попыталась выбраться из ямы и тут заметила слева от себя широкую трубу, которая являлась продолжением канавы. Труба уходила под землю. Крисси размышляла, не воспользоваться ли ей этим ходом.

Лунный свет заглядывал в бетонное жерло трубы. По этой трубе, наверное, скатывается дождевая вода с дороги, сообразила Крисси. Надо быстрее решать. Очень мало шансов добраться невредимой до деревьев на другой стороне поляны. В то же время опасно прятаться в трубе – она может загнать себя в тупик, и ей некуда будет деваться. То же самое, что прятаться на дереве. Однако делать нечего – придется рисковать.

До входа в трубу было рукой подать. Труба была широкой, фута четыре в диаметре, приходилось лишь слегка пригибать голову. Однако через несколько шагов ей пришлось остановиться: от ужасающего смрада к горлу подступила тошнота.

В туннеле разлагался чей-то труп. В темноте его не было видно, да это и к лучшему, так как вид вполне мог быть пострашнее запаха. Наверное, какое-то большое животное забрело сюда и погибло.

Устремившись обратно, Крисси жадно ловила свежий воздух.

С северной стороны она слышала завывания, от которых буквально волосы вставали дыбом.

Они уже совсем близко, в двух шагах от нее.

Выбора нет, надо скорее снова бежать в трубу. Одна надежда, что этот смрад собьет их с толку и они не обнаружат ее.

Десять ярдов по покатоному полу трубы. Вдруг нога попадает во что-то мягкое и липкое. Так и есть, она вляпалась в это месиво, тошнотворный запах ударил прямо в лицо.

– О черт!

К горлу подступила тошнота, но Крисси пересилила себя. Пройдя дальше по трубе, она долго очищала туфли о бетонный пол.

Теперь вперед, и как можно быстрее. Продвигаясь на полусогнутых ногах, пригнувшись, она представила себе, что выглядит как тролль, пробирающийся своим подземным ходом.

Через шестьдесят футов она остановилась, присела и взглянула назад, откуда пришла. Круглый вход в трубу светился бледным светом, ночь отсюда казалась не такой темной, как снаружи.

Было тихо.

Через дренажные решетки, которые находились на поверхности земли, в трубу проникал легкий ветерок, он отгонял смрад к выходу. Воздух там, где она стояла, был пропитан лишь сыростью и плесенью.

Тишина охватила ночь.

Крисси, затаив дыхание, прислушивалась.

Ничего.

Она проползла еще несколько футов.

Тишина.

Стоит ли дальше углубляться в трубу? Может быть, здесь есть змеи? Для них места лучше не придумаешь – тепло, не то что на сыром холодном воздухе.

Тишина.

Где ее родители? Такер? Ведь всего минуту назад они были совсем рядом, пугающе близко.

Безмолвие.

Здесь, на прибрежных холмах, водились гремучие змеи, правда в это время года они уже попадали в зимнюю спячку. Что, если у них здесь гнездо?

Зловещая тишина так действовала на нервы, что Крисси захотелось закричать, разорвать это странное молчание ночи.

Но пронзительный крик раздался снаружи и прокатился эхом по трубе, отражаясь от стен со всех сторон, словно ее преследователи появлялись одновременно отовсюду, даже из-под земли.

Призрачные фигуры нырнули в канаву совсем рядом с трубой.

12

Сэм обнаружил мексиканский ресторан на Серра-стрит, в двух кварталах от мотеля. Судя по аромату, доносящемуся с кухни, готовили здесь неплохо. Смесь запахов служила живой иллюстрацией к книге кулинарных рецептов Хозе Фелициано: мексиканский красный перец, бурлящий, горячий chorizo, сладкое благоухание лепешек, выпеченных из masa harina, сладкий перец, острый режущий запах jalapeño chiles, лука...

Семейный ресторан Пересов был столь же непритязателен, сколь и его название. Это было обычное прямоугольное помещение с синими виниловыми кабинками вдоль стен, со столами посередине и кухней в глубине. В отличие от заведения Берта Пекема, таверны «Рыцарский мост», здесь не жаловались на недостаток клиентов. Ресторан был заполнен до отказа, пустовал лишь один столик на две персоны, к нему и подвела Сэма девочка-официантка.

Официанты и официантки носили джинсы и свитера, правда на всех еще были белые передники. Сэм не стал спрашивать «Гиннесс»: в мексиканских ресторанах его обычно не держали, но зато здесь имелось пиво «Корона», которое вполне подходило к хорошей еде.

Еда была очень хорошей. Конечно, не высший класс, но очень недурно для приморского городка в три тысячи жителей. Кукурузные чипсы они готовили сами, сальса была жирной и толстой, а суп из альбондигас был наварист и наперчен так, что Сэма бросило в жар. Когда же подали крабов энчиладас в томатном соусе, он был уже наполовину убежден, что ему стоит переехать на жительство в Мунлайт-Ков, и как можно быстрее, даже если для получения средств на пенсию придется ограбить банк.

Когда восхищение от кухни улеглось, он начал обращать внимание на своих соседей по ресторану, а не только на то, что находится у него в тарелке. Не сразу, но он заметил кое-какие странности в посетителях.

В зале было на удивление тихо, хотя здесь сидело не менее восьмидесяти-девяноста человек. Хорошие мексиканские рестораны с их изысканной кухней, обилием пива и крепких спиртных напитков всегда были местом для раскрепощенного общения.

В ресторане Переса, однако, оживление царило лишь за несколькими столиками. Остальные клиенты поглощали пищу молча.

Опорожнив бокал и наполнив его снова пивом из принесенной бутылки, Сэм принялся изучать молчаливых едоков. В правой части комнаты, в кабине у стены, сидели трое мужчин средних лет, поглощая такос, энчиладас и гиминчагас, поглядывая на еду, на соседей, в пространство, но храня при этом полное молчание. По другую сторону в кабине сидели две молодые парочки и уничтожали двойные порции аппетитной снеди с приправами, ни разу не прервавшись для того, чтобы обменяться шуткой или посмеяться. Их увлеченность едой казалась Сэму очень странной, и чем больше он смотрел на них, тем больше в этом убеждался.

Люди всех возрастов, сидевшие группами или поодиночке, сконцентрировались на еде. Они ели приправы, супы, салаты, десерт; покончив с этим, они требовали «еще парочку такос», «еще буррито», не забывая заказать мороженое и пирог. Они беспрерывно жевали, по щекам ходили желваки, мощные челюсти не останавливались ни на минуту. Некоторые вообще не закрывали рта. Сэм даже явственно слышал эту мощную работу челюстей. Люди раскрас-

нелись от перченого соуса, но ни один из них не обронил: «Ух, печет, как огнем!» или «Пальчики оближешь!»; никто не перебросился ни одним словом со своими сотрапезниками.

Самое интересное, что на фоне немногочисленных, мирно болтающих друг с другом за едой посетителей ненасытные молчуны совсем не привлекали к себе постороннего внимания. Очень многие не умели вести себя за столом, примерно четвертая часть посетителей ресторанов вызовет шок у преподавателя хороших манер, но маниакальное обжорство у такого множества людей поразило Сэма до глубины души. Вероятно, подумал он, люди наблюдают такую картину каждый день и поэтому из вежливости не обращают на обжор никакого внимания.

Может быть, прохладный морской воздух способствует такому зверскому аппетиту? Может быть, какие-то неизвестные ему страницы из истории Мунлайт-Кова могли бы пролить свет на этот странный феномен поведения за столом?

Для социолога ответ на подобный вопрос представлял бы несомненный интерес, но у Сэма от вида этих прожорливых существ лишь пропадал аппетит, и он решил не обращать больше на них никакого внимания.

Только закончив ужин и положив деньги на стол в уплату счета, он решил еще раз взглянуть в зал, и одна деталь поразила его: никто из обжор не пил ни пива, ни крепких спиртных напитков. На их столах стояла только вода со льдом или кока-кола, некоторые пили молоко стакан за стаканом, хотя по их виду никак нельзя было сказать, что они трезвенники. Не будь он полицейским, он не стал бы делать таких категорических выводов, но Сэм-то в этом разобрался, его научили определять наклонности человека.

Тут он вспомнил пустовавшую таверну «Рыцарский мост».

Что это за религиозная секта, которая учит своих последователей воздерживаться от спиртного и быть невоздержанными в еде?

Сэм не припоминал ничего подобного.

Он уговаривал себя не обращать внимания на эти странности. Это вполне могла быть простая эмоциональная реакция на необычное поведение нескольких людей. Вот и все. Просто они сидели перед ним, и он принял их обжорство за общую черту всех местных жителей. Он ведь не ходил по ресторану, не заглядывал каждому в лицо. Однако, пробираясь к выходу, он все-таки обратил внимание на столик, за которым сидели три привлекательные, хорошо одетые женщины. Все три были поглощены едой, не разговаривали, уперлись взглядом в свои тарелки; у двух висели кусочки пищи на подбородке, но они не обращали на это никакого внимания; третья ела столь же неопрятно, и кукурузные чипсы усеяли весь ее голубой свитер. Она как будто вскармливала себя, чтобы затем отправиться на кухню, залечь в печь и самой превратиться в пищу.

Сэм был счастлив, что выбрался наконец на свежий воздух.

Разгоряченный едой и духотой в ресторане, он был бы рад снять с себя куртку, но не мог, так как под ней была спрятана кобура с револьвером. Зато он наслаждался туманом и освежающим ночной воздух ветром, дующим с запада.

13

Крисси увидела, как они спускаются в дренажную канаву, и на мгновение ее посетила надежда – они просто переберутся через препятствие и уйдут дальше к лесу. Но одна из фигур повернула ко входу в трубу. Быстрые, волчьи прыжки. В темноте мелькали лишь тени, Крисси с трудом осознавала, что эти существа – ее отец, мать и Такер. Но кто еще мог за ней гнаться?

Проникнув в бетонный туннель, хищник начал вглядываться во мрак. Янтарно-желтые глаза источали сияние.

Как далеко может видеть он в темноте? Наверное, видит ее, сидящую в восьмидесяти-ста футах. Для того чтобы различить что-нибудь на таком расстоянии, надо обладать сверхъестественным зрением.

Существо смотрело прямо на нее.

Но кто сказал, что это не сверхъестественные создания? Может быть, ее родители превратились в оборотней?

От этой мысли пот выступил на лбу. Одна надежда, что смрад от трупа собьет их с толку.

Хищник осторожно приближался, его туловище закрыло почти весь просвет туннеля.

Он тяжело дышал, звук усиливало эхо. Крисси же старалась почти совсем не дышать, чтобы не обнаружить себя.

Неожиданно в туннеле раздался голос, причитающий, шепчущий; поток слов сливался в одно целое:

– Крисси, ты здесь? Ты здесь? Иди, Крисси, ко мне, иди, иди. Ты нужна мне, Крисси, нужна, нужна. Крисси, моя Крисси.

Кто может так странно причитать, так выть? Крисси представила себе нечто среднее между волком, ящером, человеком. Наверное, это даже страшнее, чем можно себе вообразить.

– Помочь, тебе надо помочь, помочь, иди, иди ко мне, иди. Ты здесь? Здесь?

Хуже всего было то, что этот животный, шепчущий голос, несмотря на всю свою странность, кого-то напоминал ей. Да, это был голос ее матери. Он страшно изменился, но это был ее голос.

К ужасу Крисси примешивалась боль, которой она сначала не могла понять. Да, это была боль от потери, она потеряла мать и молила, чтобы все вернулось, чтобы рядом с ней была ее прежняя мать. Будь у нее серебряное распятие – такие показывают в фильмах ужасов, – она не побоялась бы, подошла к этому существу и потребовала бы от темных сил покинуть ее мать. Может, распятие и не помогло бы – в жизни все не так просто, как в фильмах, к тому же перемены в ее родителях выглядят гораздо более невероятными, чем все эти чудеса с вампирами, оборотнями и демонами из ада. Но будь у нее распятие, она попыталась бы.

– Смерть, смерть, запах смерти, смрад, смерть.

Та, кто недавно была ее матерью, приближалась к месту, где лежал труп животного. Тускло блестящие глаза разглядывали падаль.

В туннель спускался кто-то еще.

Звук шагов, такой же жуткий голос.

– Она здесь? Она здесь? Что нашла, что?

– ...енот...

– Что, что?

– Мертвый енот. Падаль.

Крисси вдруг вспомнила, что на том месте могли остаться следы ее ног.

– Крисси? – Это второй голос.

Голос Такера. Значит, отец ищет ее в другом месте.

Оба существа не стояли на месте и странно подергивались. Время от времени раздавалось какое-то странное скрежетание о бетонные стены туннеля. У них когти?

В их голосах была паника. Нет, не паника, они явно ничего не боялись. Звучало бешенство, сумасшествие. Будто какой-то механизм, работающий внутри их на огромных оборотах, вышел из-под контроля.

– Крисси здесь? Она здесь? – спрашивал Такер.

Его спутница вновь начала вглядываться в темноту туннеля.

«Ты не видишь меня, – думала, умоляла Крисси. – Я невидима».

Сверкающие глаза словно потеряли свой блеск, светились теперь тусклым серебром.

Крисси задержала дыхание.

– Надо найти еду, еду. – Это голос Такера.

– Сначала найди девчонку, сначала найди. – Голос его спутницы.

Они разговаривали, словно животные, наделенные подобием человеческой речи.

– Сейчас, сейчас, жжет, жжет, еда, сейчас. – Такер не унимался.

Крисси всю трясло.

– Еда, на лугу еда, грызуны, чувствую их, найдем, еда, сейчас, сейчас. – Это опять Такер.

Крисси почти не дышала.

– Ничего, только падаль, иди, ешь, потом искать, иди.

Оба существа покинули туннель и скрылись.

Крисси вздохнула с облегчением.

Подождав еще немного, она углубилась дальше в туннель в поисках бокового ответвления. Ей пришлось пройти двести ярдов, прежде чем она нашла его – это была труба вдвое меньшего диаметра. Она забралась туда ногами вперед, перевернулась на живот. Здесь она проведет ночь. Если они вернутся и попытаются что-нибудь разнюхать, она будет в безопасности, так как сквозняк в главном туннеле не донесет до них ее запаха.

На сердце у Крисси стало спокойнее. Они не могли обнаружить ее в туннеле, значит в них нет ничего сверхъестественного, они не могут все видеть и обо всем знать. Да, они страшно сильные и быстрые, они загадочны и опасны, но они тоже совершают ошибки. Скоро рассвет, и у нее есть шансы выбраться и найти помощь, не попав к ним в лапы.

14

В дверях семейного ресторана Пересов Сэм Букер взглянул на часы. Было 19:10.

Он шел по Оушн-авеню и готовил себя к разговору со Скоттом. Мысли об этом оттеснили на задний план все впечатления от ресторана, в котором посетители имели странную склонность к обжорству.

На углу Юнипер-лейн и Оушн-авеню рядом с заправочной станцией «Шелл» он нашел телефон-автомат. Часы показывали 19:30. Сэм вставил в аппарат кредитную карточку и набрал номер своего домашнего телефона в Шерман-Оуксе.

В шестнадцать лет Скотт решил, что он уже взрослый и будет во время командировок отца оставаться дома один. Сэм был другого мнения и начал приглашать в свое отсутствие Эдну, сестру своей жены. Скотт выиграл поединок – устроил для Эдны сущий ад. Сэм вынужден был отступить, чтобы не подвергать свою родственницу тяжким испытаниям.

Тогда он обучил сына способам выживания – двери и окна держать закрытыми, иметь под рукой огнетушитель, уметь спастись из любой комнаты в случае пожара или землетрясения; научил даже стрелять из пистолета. И все-таки Сэм видел в Скотте ребенка. Одна надежда на то, что его уроки не пропали даром.

Девятый гудок. Сэм уже собирался повесить трубку (вот и оправдание – не дозвонился), когда на другом конце линии раздался голос Скотта:

– Алло.

– Это я, Скотт, отец.

В трубке гремел тяжелый рок. Когда Скотт включал свою музыку, в окнах дрожали стекла.

– Может, сделаешь потише? – попросил Сэм.

– Я тебя хорошо слышу, – промямлил Скотт.

– А я тебя – нет.

– О чем говорить-то, у меня все нормально.

– Пожалуйста, сделай потише. – Сэм выделил слово «пожалуйста».

Раздался грохот – Скотт бросил трубку на стол. Звук уменьшил совсем ненамного, снова подошел к телефону.

– Ну?

– Как дела?

– О'кей.

– У тебя все нормально?

– Конечно, а как еще может быть?

– Я просто спросил.

– Если звонишь проверить, не устроил ли я вечеринку, можешь не беспокоиться. Не устроил.

Сэм стал считать до трех, чтобы не сорваться на крик. Вокруг телефонной будки закручивался густеющий туман.

– В школе все нормально?

– Думаешь, я туда не ходил?

– Думаю, что ходил.

– Ты мне не веришь.

– Нет, я тебе верю. – Сэм солгал.

– Ты думаешь, что я не был в школе.

– Так был или нет?

– Был.

– Ну и как там дела?

– Черт знает что. Дерьмо эта школа.

– Скотт, пожалуйста, я же просил тебя не употреблять этих слов в разговорах со мной. – Сэм почувствовал, что помимо своей воли начинает препираться с сыном.

– Извини. Сплошное занудство. – Скотт сказал это так, что трудно было понять, относится это к школе или к Сэму.

– Знаешь, здесь очень приятные места, – сказал Сэм.

Скотт промолчал.

– Лес, холмы спускаются прямо к океану.

– Ну?

Помня о советах семейного врача, с которым он и Скотт встречались вместе и по отдельности, Сэм стиснул зубы, сосчитал до трех и сделал еще одну попытку:

– Уже поужинал?

– Да.

– В школе что-нибудь задавали?

– Ничего.

Сэм, колебавшись, решил не реагировать. Доктор Адамски мог быть доволен им – полный самоконтроль и терпимость.

На заправочной станции зажглись фонари, в густеющем тумане отблески от них множись и переливались.

После паузы Сэм проговорил:

– Что сейчас делаешь?

– Я слушаю музыку.

Парень отбил от рук не в последнюю очередь из-за этой проклятой музыки. Сэму не раз приходила в голову эта мысль. Тяжелый металлический рок с его грохотом, бешенством и какофонией звуков, с его монотонностью был настолько лишен души и тела, что вполне мог сойти за музыку какой-нибудь цивилизации автоматов, перелетевших на покинутую человеком землю. На какое-то время Скотт, правда, переключился на «Ю-ту», но его не устроила в этой группе их тяга к социальным проблемам. Он снова стал слушать «тяжелый металл», при-

чем теперь отдал предпочтение его «черной» разновидности. Эти ансамбли использовали как приманку сатанизм, и вскоре Скотт совсем ушел в себя, замкнулся и ходил мрачнее тучи. Сэм не раз набрасывался на коллекцию пластинок и разбивал их вдребезги, но потом всегда сокрушался, что не сдержал себя. В конце концов, он сам в свои шестнадцать лет увлекался «Битлз» и «Роллинг стоунз», а его родители ругали эту музыку на чем свет стоит и предрекали Сэму и его поколению плохое будущее. Но все обошлось, хотя он и слушал Джона, Пола, Джорджа, Ринго и «Роллингов». Надо быть терпимым. Сэм вовсе не хотел затыкать уши и закрывать глаза, подобно своим родителям.

– Ладно, я, пожалуй, пойду, – вздохнул Сэм.

Скотт опять промолчал.

– Если будут какие-нибудь проблемы, звони тете Эдне.

– Нет таких проблем, в которых она могла бы помочь.

– Но она любит тебя, Скотт.

– Да, я понимаю.

– Она – сестра твоей матери и любит тебя как собственного сына. Ты не можешь запретить ей это. – После паузы Сэм набрал побольше воздуха и сказал: – Я тоже люблю тебя, Скотт.

– Да? И что мне делать? Умереть от восхищения?

– Нет.

– Потому что все это – ерунда.

– Я говорю как есть.

По-видимому, вспомнив одну из своих любимых песен, Скотт пропел:

Все продается,
Даже любовь.
Вечна лишь смерть.
Бога более нет.

Щелк.

Сэм подождал, слушая короткие гудки. «Превосходно». Он повесил трубку.

Отчаяние. И бешенство. Расколотил бы сейчас что угодно, избил бы кого-нибудь. Ему хотелось отомстить за украденного у него сына.

Саднящая боль под лопаткой. Он потерял сына. Невыносимо.

Он не сможет пойти сейчас в гостиницу. Для сна слишком рано, а провести два часа перед ящиком для идиотов, смотреть глупейшую комедию или драму – это уж слишком. Сэм открыл дверь кабины, в нее вполз туман и, казалось, вытащил его в ночь. Примерно час он слонялся по улицам Мунлайт-Кова, побывал и на окраинах города, где уже не было фонарей и дома с деревьями парили над туманом, словно воздушные корабли, стоящие на якоре.

Сэм шел быстро, смывая движением и холодным ночным воздухом злость, охватившую его после разговора с сыном. В четырех кварталах к северу от Оушн-авеню, на Айсберри-уэй, он услышал за собой чьи-то торопливые шаги. Кто-то бежал по улице, возможно, их было трое или четверо. Звук был приглушенный, непохожий на бодрый топот ног любителей джоггинга.

Сэм обернулся, оглядел темную улицу.

Шаги смолкли.

Луна скрылась за тучами. Улицу освещал лишь свет из окон домов. Дома здесь были самых различных стилей, они выстроились между соснами и можжевельником. Место было обжитое, со вкусом обустроенное, но современных строений с большими окнами почти не было, и это усугубляло уличный мрак. Два здания были полностью скрыты во мгле, а редкие уличные фонари у домов окутал туман. Сэм, как видно, был единственным прохожим в этот час на Айсберри-уэй.

Пройдя еще полквартала, он вновь услышал шаги. Сзади никого не было. Звук затих, словно бежавшие перескочили с асфальта на землю и скрылись между домами.

Может быть, они на соседней улице? Холодный воздух и туман проделывают иногда удивительные фокусы со звуками.

Сэм был заинтригован и решил действовать осмотрительно. Он сошел с тротуара на лужайку одного из домов и притаился в тени за гигантским кипарисом. Его внимательный взгляд уловил вскоре мимолетное движение на другой стороне улицы. Четыре призрачные фигуры появились из-за угла дома, они бежали пригнувшись. Когда они пересекали лужайку, освещенную садовыми светильниками, их тени причудливо мелькнули на белой оштукатуренной стене дома. Затем они сразу исчезли в густом кустарнике – Сэм успел разглядеть, как они выглядят.

«Местная шпана, – подумал Сэм, – замыслили какую-нибудь пакость».

Мысль о подростках возникла, возможно, из-за необычной прыти и странного поведения тех, кого он видел минуту назад. Они что-то задумали против местных жителей, или им нужен он. Инстинкт подсказывал Сэму, что за ним следят.

Разве могут подростки так разгуливать в таком маленьком городке, как Мунлайт-Ков?

Конечно, в каждом городе есть трудные подростки. Но в маленьком приморском городке они не станут объединяться в банды, занимающиеся грабежами, разбоем, жестокими убийствами. В таких местах ребята, бывает, угоняют машины, балуются спиртным, девочками, иногда воруют по мелочам, но никогда не шныряют группами по улицам, как в больших городах.

Несмотря на эти логичные рассуждения, Сэм с подозрением отнесся к этой четверке, крадущейся в темноте среди кустарника и азалий на другой стороне улицы. Не надо забывать, что в Мунлайт-Кове творилось что-то неладное, и, возможно, это связано с малолетними преступниками. Полиция скрывала правду о нескольких смертях, случившихся за последние два месяца, и не исключено, что она покрывает чьи-то преступления. Конечно, выводы делать еще рано, но здесь вполне могут быть замешаны дети высокопоставленных родителей, преступившие границы дозволенного и нарушившие закон.

За себя Сэм не беспокоился. Он сумеет с ними справиться, он вооружен. Он даже не прочь проучить молокососов. Однако стычка с хулиганами могла привлечь внимание полиции, а Сэму это было ни к чему – это грозило прервать ход расследования.

Странное место они выбрали для нападения. Одного крика достаточно, чтобы люди выбежали из домов. Но звать на помощь Сэм не собирался, даже если ему придется туго.

В его случае как нельзя лучше подходит пословица о том, что не стоит будить лихо. Он прокрался от кипариса к дому с погашенными окнами, подальше от улицы и освещенных домов. Ребята явно не видят его сейчас, и он спокойно сможет улизнуть от них.

Сэм обошел дом, вошел на задний двор, где свет смешался с тенью в подобие паутины с пауком-фонарем наверху. Пройдя дальше в глубину двора, он перемахнул через ограду, за ней начиналась дорожка к гаражам. Он собирался идти на юг, к Оушн-авеню и центру города, но инстинктивно выбрал другую дорогу. Сэм пересек узкий проезд, прошел мимо мусорных ящиков, перепрыгнул еще через один забор и оказался на заднем дворе другого дома, выходявшего фасадом на улицу, параллельную Айсберри-уэй.

Здесь он снова услышал торопливые шаги по асфальту. Подростки – если это были они – бежали так же быстро, но, как ему показалось, уже не приглушали своих шагов.

Они приближались к Сэму от угла квартала. У него было странное ощущение, что каким-то шестым чувством они определили, через какой двор он вышел и в каком месте его можно будет перехватить. Сэм перешел на шаг. Он в хорошей форме, но бегать наперегонки с семнадцатилетними в его сорок два года было бы глупо.

Вместо того чтобы бежать вперед, во двор напротив, он повернул к гаражу, надеясь, что боковая дверь будет открыта. Так и есть. Он шагнул в темноту и закрыл задвижку как раз в тот момент, когда шаги его преследователей смолкли на дороге напротив гаража.

В полной темноте Сэм попытался отыскать еще одну защелку на двери или прут для блокировки, но ничего не нашел.

Четыре голоса о чем-то тихо переговаривались, ничего нельзя было разобрать. Голоса звучали странно: шипяще и настойчиво.

Сэм замер у двери, обеими руками ухватившись за ручку, чтобы не дать повернуть ее снаружи, если они попытаются это сделать.

Они замолкли.

Сэм напряг слух.

Тишина.

В гараже пахло пылью и машинным маслом. Были видны очертания одной или двух машин.

Сэм не был испуган, но начинал осознавать всю комичность ситуации.

Куда его занесло? Взрослый человек, агент ФБР, обученный всем правилам обороны без оружия, мастерски стреляющий, он прячется в гараже от четырех ребятишек. Конечно, он оказался здесь потому, что так подсказал инстинкт, а он всегда доверял инстинкту, но это...

Быстрое движение по ту сторону двери. Он напрягся. Шаркающие шаги. Кто-то подошел совсем близко. Вероятно, только один из них.

Сэм еще крепче ухватился за рукоятку, прижал дверь ногой.

Шаги совсем рядом.

Он задержал дыхание.

Прошла секунда, две, три.

«Попробуй, заперта ли дверь, и проваливай», – с раздражением подумал Сэм.

В этот момент он чувствовал себя страшно глупо и был уже готов показать мальчишкам, на что он способен. Он мог выпрыгнуть из гаража, как чертик из табакерки, и напугать ребят до смерти. Они побегут – только пятки засверкают.

Вдруг он услышал голос по ту сторону двери, в паре дюймов от него. Одному Богу известно, кому мог принадлежать такой голос, но Сэм сразу понял, что правильно сделал, когда спрятался от них. Голос был тонкий, резкий, леденящий душу, и его настойчивые интонации напоминали вопли маньяка или наркомана во время ломки.

– Жжет, жжет, голод, голод.

Казалось, он говорил сам с собой и не понимал, что говорит, как человек в горячечном бреду.

Раздался какой-то скрежет о деревянную дверь. Сэм не понимал, что там происходит.

– Пища, пища для огня, огонь, – повторял голос, подымаясь до угрожающего визга.

«Это не ребенок, – подумал Сэм, – но и не взрослый».

Даже в холодном гараже его прошиб озноб.

Снова скрежет у двери.

Может быть, он вооружен? Это ствол пистолета? Лезвие ножа? Просто палка?

– Жжет, жжет...

Когти?

Он сошел с ума. Но как он ни пытался отогнать от себя эту мысль, вид загнутых когтей, оставляющих в дереве глубокий след, возникал в его сознании при этих звуках вновь и вновь.

Сэм крепко держал рукоятку двери. Он был весь в поту.

Наконец тот парень за дверью попробовал повернуть ручку. Сэм сумел удержать ее, она почти не подалась.

– Боже, жжет, жжет. О боже...

Сэма охватил настоящий страх. Это был потусторонний голос. Голос наркомана, представляющего в бреду, что он летит на Марс. Только звучал он гораздо страшнее, чем крики этих накурившихся чудаков. Сэм был напуган еще и потому, что не знал, какой дьявол притаился за дверью.

Некто еще раз попробовал открыть дверь.

Сэм помогал себе ногой.

Снова быстрые, безумные слова:

– Пища, пища для огня.

Может ли он чувствовать меня из-за двери? В эти мгновения такой вопрос казался не более странным, чем мысль о подростке с когтями.

Сердце билось в бешеном ритме. Пот застилал глаза. Болели мускулы – он держал дверь крепче, чем это было необходимо.

Через какое-то время, вероятно решив, что его жертвы в гараже нет, парень оставил дверь в покое. Шаги удалялись в сторону улицы. Жалобный крик раздался оттуда, в нем смешались боль, жажда и... животное возбуждение. Видимо, парень сдерживал стон, но он вырвался против его воли.

Сэм услышал по-кошачьи мягкие шаги нескольких человек на дороге. Трое приятелей-хулиганов присоединились к четвертому и начали переговариваться теми же странными голосами.

Сэм не мог разобрать ни слова.

Неожиданно голоса смолкли, и, подобно стае волков, привлеченных запахом добычи, они бросились куда-то прочь, на север. Вскоре звук шагов растаял в ночи, и наступила гробовая тишина.

Прошло несколько минут с тех пор, как они скрылись, а Сэм все еще стоял, крепко вцепившись в ручку двери.

15

Тело мертвого мальчика лежало в кювете рядом с шоссе к югу от Мунлайт-Кова. На белом как снег лице виднелись капли крови. В свете двух полицейских ламп, установленных на треножниках по обе стороны кювета, его широко открытые глаза, не мигая, взирали на берег, неизмеримо более далекий, чем побережье находящегося рядом моря.

Стоя под одной из ламп, Ломен Уоткинс глядел на маленькое тело, пытаясь заставить себя остаться и засвидетельствовать смерть Эдди Валдоски. Эдди, которому было восемь лет, был его крестником. Ломен учился в колледже с отцом Эдди, Джорджем, а в его мать, Неллу, он был тайно и безответно влюблен вот уже двадцать лет. Эдди был славным мальчиком, способным, любознательным и послушным. Был. А теперь... Весь в синяках, укусах, кровоподтеках, с вывихнутыми руками, со сломанной шеей, он был лишь комком искореженной плоти, в которой погибло его будущее; его огонь потушили, его лишили света, лишили жизни.

Из всех страшных случаев смерти, которые Ломену довелось увидеть за двадцать один год работы в полиции, этот был, пожалуй, самым жутким. И в силу его личной привязанности к жертве он должен был бы испытывать горе, если не трагедию. Но его лишь совсем чуть-чуть трогал вид маленького скорченного тела. Печаль, жалость, гнев и другие чувства касались его души, но слегка и мимолетно, так случайная рыбка может задеть хвостом пловца в море. Горя, которое должно было бы терзать его при таких обстоятельствах, он не чувствовал совсем.

Барри Шолник, один из офицеров, недавно пополнивших ряды полиции Мунлайт-Кова, встал на край кювета и сделал фотоснимок тела. Сработала фотовспышка, и открытые глаза ребенка на мгновение осветились серебром.

Странно, но чем холоднее становился Ломен в своих чувствах, тем сильнее он ощущал потерю чего-то очень важного, и это вызывало в нем смертельный страх. Только что он был напуган своим равнодушием. Он не хотел, чтобы сердце его черствело, но это был необратимый процесс, и скоро, похоже, у него будет мраморное предсердие, а само сердце превратится в гранит.

Теперь он был одним из Новых людей и во многом отличался от прежнего Ломена. Хотя внешне выглядел по-прежнему – рост пять футов десять дюймов, коренастый, с широким и непривычно добрым лицом для человека его профессии, – но внутри он был уже совсем другим. Великое обращение подарило ему умение контролировать свои эмоции, спокойный и аналитический взгляд на вещи. Все это так. Но нужно ли это – не чувствовать, не переживать?

Несмотря на ночной холод, на лбу появились капельки пота.

Доктор Йен Фицджеральд не смог приехать, и место происшествия осматривал его помощник вместе с Виктором Калланом, владельцем похоронного бюро, а также еще один офицер полиции – Жюль Тиммерман. Они искали улики, которые мог оставить убийца.

Однако сейчас это было больше похоже на спектакль для жителей окрестных домов, собравшихся на обочине дороги. Даже если улики будут найдены, никто не будет арестован за это убийство. Не будет и суда над преступником. Если они найдут убийцу, то будут скрывать его у себя и поступят с ним так, чтобы никто из не посвященных в таинство обращения не смог догадаться о его существовании. Так как, несомненно, убийцей был один из тех, кого Том Шаддэк называет «одержимыми». Они тоже были Новыми людьми, но внутри у них что-то нарушилось. И это серьезно.

Ломен отошел от мертвого мальчика. Он направился по шоссе к дому Валдоски, который виднелся в сотне ярдов к северу.

Он не обращал внимания на окружающих, хотя один из них все допытывался у него: «Шеф, что, черт побери, происходит? А, шеф?»

Здесь, за городской чертой, дома стояли далеко друг от друга, и огни их окон не могли одолеть ночную тьму. Пройдя полпути, Ломен почувствовал вдруг страшное одиночество, хотя совсем рядом стояло множество людей. Деревья, искореженные морскими ветрами, склонились над дорогой, их узловатые ветви едва не цеплялись за одежду. Ему почудилось, что там, в темных ветвях, во мраке и тумане, кто-то притаился.

Он нащупал рукоятку пистолета в кобуре, висевшей на боку.

Ломен Уоткинс был начальником полиции в Мунлайт-Кове уж девять лет. За последний месяц на его территории пролилось больше крови, чем за предыдущие восемь лет и одиннадцать месяцев. Он был убежден, что худшее еще впереди. По его предчувствиям «одержимых» в городе будет с каждым днем все больше и больше, и от них будет исходить огромная опасность. Шаддэк так не считал. Или не хотел задумываться над этим.

Ломен боялся «одержимых» почти так же, как он боялся исчезновения своих чувств.

В отличие от счастья, печали, радости и горя, смертельный страх был связан с механизмом выживания, поэтому, по мысли Ломена, расставаться с ним нельзя было ни в коем случае. Это соображение застало его врасплох, как и недавний шорох в ветвях деревьев.

«Неужели, – подумал он, – страх будет единственным чувством, которое расцветет в этом прекрасном новом мире, создаваемом нами?»

16

Съев черствый чизбургер, недожаренный картофель и запив все это ледяной водой «Дос Эскис», Тесса Локленд возвратилась из пустынного кафе мотеля «Ков-Лодж» в свой номер. Здесь она забралась в кровать, подложила под спину подушки и набрала номер телефона своей матери в Сан-Диего.

Марион ответила после первого же гудка, и Тесса сказала ей:

– Привет, ма.

– Где ты сейчас, Тиджей? – В детстве Тесса никак не могла решить, как ее называть – первым именем или вторым – Джейн, и в результате мать привыкла звать ее по первым буквам двух имен – Тиджей.

– В «Ков-Лодже», – ответила Тесса.

– Хорошее место?

– Лучшее из того, что можно было найти. В этом городе не слишком опечалены отсутствием первоклассных гостиниц. Если бы не вид на океан, этот мотель недолго бы протянул. Разве что начали бы сдавать номера парочкам и крутить порнофильмы.

– По крайней мере, чисто?

– Вполне.

– Если там грязь, я буду настаивать, чтобы ты переехала.

– Мапочка, ты же знаешь, я привыкла жить без удобств в командировках. В Латинской Америке мы снимали фильм об индейцах-мискито и вместе с ними спали прямо на земле.

– Тиджей, дорогая, не говори так никогда. Это свиньи спят на земле. Ты должна говорить, что вы спали в палатках, но никак не на земле. С человеком бывает всякое, но всегда надо сохранять чувство достоинства и стиль.

– Ладно, мамуля. Я только хотела сказать, что «Ков-Лодж» – это не подарок, но это лучше, чем спать на земле.

– В палатке.

– Да-да, в палатке, – поправила Тесса.

Пауза. Затем Марион сказала:

– Я должна была поехать с тобой.

– Мама, но у тебя сломана нога.

– Я должна была поехать в Мунлайт-Ков сразу же после того, как они нашли бедную Джэнис. Я бы запретила кремировать ее. Господи, да они не посмели бы! Я бы запретила и настояла бы на том, чтобы вскрытие произвели люди, пользующиеся доверием. Тебе не пришлось бы этим заниматься. Я так виню себя.

Тесса откинулась на подушки и вздохнула:

– Мам, не надо взваливать вину на себя. Ты сломала ногу за три дня до того, как нашли тело Джэнис. Ты не могла тогда поехать. Тут нет твоей вины.

– Да, было время, когда сломанная нога не остановила бы меня.

– Тебе уже не двадцать, мама.

– Да, я понимаю, я уже старая, – жалуясь, проговорила Марион. – Иногда я думаю, как летят годы, и мне становится страшно.

– Тебе всего лишь шестьдесят четыре, ты выглядишь на пятьдесят и сломала ногу, прыгая с парашютом. Господи боже мой, неужели ты хочешь, чтобы я жалела тебя, как маленькую?

– Пожилые люди всегда ждут от своих детей заботы и жалости.

– Ты издеваешься. Никакая ты не пожилая, не надо придумывать. Ты дождешься – я опять уеду далеко-далеко. Неужели ты этого хочешь?

– Что ты! Бог с тобой! Слушай, Тиджей, откуда взялось это чертово дерево? Я прыгаю с парашютом тридцать лет и ни разу не приземлялась на деревья. Клянусь тебе, когда я выбирала место для посадки, его там и в помине не было.

Хотя своим оптимизмом и жизнелюбием семья Локленд была обязана в большей степени покойному отцу Тессы Бернарду, все же тут не обошлось и без генов Марион, особенно в том, что касается неукротимости нрава.

Тесса перешла к делу:

– Сразу после приезда я ходила на пляж, на то самое место, где ее нашли.

– Тебе, наверное, было тяжело, Тиджей?

– Я справилась с собой.

Тессе не было дома, когда случилось горе. Она ездила по провинциям Афганистана, готовясь к съемкам документального фильма о геноциде против афганского народа и уничтожении его культуры. Только почти через две недели после того, как обнаружили тело Джэнис, Марион смогла передать Тессе эту печальную новость. Спустя пять дней, 8 октября, Тесса летела из Афганистана с таким чувством, будто она виновата в смерти сестры. Тяжесть этой вины давила на нее не меньше, чем на Марион, но она сказала правду – она смогла справиться с собой.

– Ты была права, мама. Официальная версия никуда не годится.

– Что тебе удалось узнать?

– Пока ничего. Но я стояла там, где она якобы приняла валиум, где она вошла в воду и где ее нашли через два дня, и могу твердо сказать, что все это ложь с начала и до конца. Я это нутром чувствую, мама. И так или иначе я докопаюсь до истины.

– Будь поосторожней, дорогая.

– Хорошо.

– Если Джэнис... убили...

– Не бойся.

– А если, как мы подозреваем, местной полиции нельзя доверять...

– Мама, ты учти, что я выгляжу как белка из диснеевского мультлика, во мне всего пять футов четыре дюйма, я блондинка, голубоглазая и курносая. Так что никто ничего не заподозрит. Ты же знаешь, я всегда пользовалась своей обманчивой внешностью. Сколько мужчин и женщин попались на эту удочку. Они все думали, что я буду плясать под их дудку. Им пришлось потом пожалеть о своей наивности. Вот так-то.

– Ты будешь мне звонить?

– Конечно.

– Если возникнет какая-то опасность, бросай все и уезжай.

– Все будет нормально.

– Обещай, что ты не полезешь в самое пекло.

– Обещаю. Но ты мне тоже обещай, что больше не будешь прыгать с этим дурацким парашютом.

– Конечно, я стара для этого. Ну, скажем так, пожилая. Я подберу что-нибудь соответствующее своему возрасту. Кстати, я давно хотела научиться кататься на водных лыжах или на мотоцикле. Помнишь, ты сделала великолепный фильм о мотогонках?

– Обожаю тебя, мама.

– Люблю тебя больше жизни, Тиджей.

– Они заплатят за Джэнис.

– Если будет кому платить. Но запомни, Тиджей, Джэнис уже не вернешь, а твоя первая обязанность – сохранить себя.

17

Джордж Валдоски сидел за пластиковым кухонным столом. Его натруженные руки сжимали стакан с виски, было видно, что пальцы дрожат; янтарного цвета жидкость едва не выплескивалась через край.

Когда Ломен Уоткинс вошел в кухню и затворил за собой дверь, Джордж даже не поднял головы. Эдди был у него единственным ребенком.

Джордж был высоким широкоплечим мужчиной. Из-за глубоко и близко друг к другу посаженных глаз, тонких губ и заостренных черт лица он имел высокомерный, не располагаю-

щий к себе вид. Но его внешняя суровость была обманчивой, на деле он был очень отзывчивым, мягким в общении и добрым.

– Как дела? – спросил Ломен.

Джордж, прикусив нижнюю губу, кивнул, пытаясь показать, что он справляется с этим кошмаром, но его глаза так и не встретились со взглядом Ломена.

– Пойду посмотрю, как там Нелла, – сказал Ломен.

На этот раз Джордж даже не кивнул в ответ.

Ломен прошел через кухню, его тяжелые ботинки со скрипом ступали на линолеумный пол. В дверях из кухни в маленькую столовую он обернулся к своему другу:

– Мы найдем этого негодяя, Джордж. Клянусь, мы найдем его.

Теперь наконец Джордж оторвал взгляд от виски. Слезы блеснули у него на глазах, но он не плакал. Он был гордый человек, у него была ясная голова и сильная воля. Он начал говорить:

– Эдди играл там, на заднем дворе, смеркалось, он всегда играл там, мы могли видеть его из любого окна, он был всегда в своем дворе. Когда Нелла позвала его ужинать, уже стемнело. Он не отозвался, не пришел, мы подумали: пошел к соседским ребятам поиграть и не предупредил, хотя должен был. – Джордж рассказывал это в сотый раз, он не мог остановиться. Как будто от этих бесконечных повторов что-то могло измениться, как будто страшная действительность могла исчезнуть, как исчезает звук с заигранной пластинки. – Начали искать его, не могли найти, сначала и в голову не пришло беспокоиться, даже ругали его, потом заволновались, испугались, хотели уже вас звать и тут нашли его там, в канаве, святой боже, всего изувеченного. – Он сделал глубокий вдох, еще один, и сдерживаемые слезы еще ярче заблестели в глазах. – Что за чудовища так с ним обошлись? Утащили его и сделали это, а потом принесли обратно, это ужас – принесли и положили. Мы бы услышали его крик, если бы это произошло здесь... мы бы услышали. Но его утащили, сделали это, потом принесли и положили. Кто мог сделать это, Ломен? Боже, кем надо быть, чтобы сделать такое?

– Маньяком. – Ломен сказал то, что уже не раз говорил другим людям, и это во многом было правдой.

«Одержимые» и были самыми настоящими маньяками. Шаддэк даже нашел термин для их состояния: психопатический синдром перерождения.

– Возможно, это были наркоманы, – добавил Ломен, на этот раз он лгал.

Наркотики, если иметь в виду запрещенные лекарственные средства, в деле о смерти Эдди были совсем ни при чем. Ломен еще удивился: как легко он солгал своему лучшему другу, раньше он не был способен на такое. Беззастенчивая ложь – это понятие больше подходило к миру бывших, не прошедших еще через обращение людей. Что касается Новых людей, то для них это устаревшее понятие не будет иметь никакого смысла, так как после завершения процесса Великого обращения набор моральных критериев будет включать в себя только эффективность, целесообразность и максимальную производительность. Так говорил Шаддэк.

– Сейчас у нас развелось много этих подонков-наркоманов. У них мозги набекрень. Ни морали, ни цели в жизни, им нужны одни только дешевые встряски. Это наследство эпохи, которую называли иногда «не суйся не в свое дело». Наверняка убийца – один из наркоманов. Клянусь, Джордж, мы найдем его.

Джордж снова опустил голову. Отпил из стакана.

Затем, обращаясь больше к себе, чем к Ломену, снова начал:

– Эдди играл там, на заднем дворе, смеркалось, он всегда там играл, мы могли видеть его из любого окна...

Голос его затих.

Ломен с явной неохотой отправился на второй этаж, в спальню, посмотреть, как чувствует себя Нелла.

Она полулежала на кровати, опираясь на подушки. Рядом с кроватью на стуле сидел доктор Джим Уорфи. Он был самым молодым из трех врачей, практиковавших в Мунлайт-Кове, ему было тридцать восемь. Это был солидный человек с аккуратной бородкой, в очках в металлической оправе и с неизменным галстуком-бабочкой.

Докторский саквояж стоял на полу у его ног. На шее висел стетоскоп. В данный момент он заполнял необычно большого размера шприц золотистой жидкостью из флакона с лекарством.

Когда Ломен вошел, Уорфи обернулся. Их глаза встретились, и они поняли друг друга без слов.

Услышав шаги Ломена или догадавшись о его приближении как-то иначе, Нелла Валдоски приоткрыла красные, опухшие от слез глаза. Она сохранила до сих пор свою привлекательность и прекрасные светлые волосы. Грубая природа не могла вылепить такое тонкое лицо, оно могло быть только шедевром гениального скульптора. Мягким, подрагивающим голосом она произнесла его имя:

– О Ломен!

Обойдя кровать, он приблизился и взял ее руку, протянутую к нему. Рука была влажной, холодной и дрожащей.

– Я собираюсь дать ей транквилизатор, – сказал Уорфи. – Ей надо успокоиться, а еще лучше – заснуть.

– Я не хочу спать, – отозвалась Нелла. – Я не могу спать. После этого... ни за что... никогда после этого.

– Успокойся. – Ломен слегка сжал ее руку. – Доктор Уорфи хочет тебе добра. Тебе будет лучше, Нелла.

Много лет Ломен был влюблен в эту женщину, жену своего друга, но ни разу не позволил своему чувству вырваться наружу. Он всегда убеждал себя, что это всего лишь платоническое влечение. Но, глядя на Неллу сейчас, он понимал: за этим влечением всегда была страсть.

Правда, тут нужна оговорка: теперь он не чувствовал ничего подобного, все было в прошлом, в его памяти. Любовь, страсть, его приятная меланхолическая привязанность исчезли, как и большинство других эмоций; он помнил о чувстве к Нелле, но оно принадлежало другому Ломену, который давно исчез, испарился, как душа, покинувшая мертвое тело.

Уорфи положил шприц на туалетный столик. Засучив рукав сорочки Неллы, он перетянул ее предплечье жгутом, чтобы сделать укол в вену.

Ватным тампоном, пропитанным спиртом, он протер место для укола. Нелла повернулась к Уоткинсу:

– Что нам теперь делать, Ломен?

– Все будет хорошо. – Он пожал ей руку.

– Нет-нет. Как ты можешь так говорить? Ведь Эдди умер. Он был таким славным, таким маленьким и славным, а теперь его нет. Хорошо уже не будет. Никогда.

– Совсем скоро ты почувствуешь себя лучше, – успокаивал ее Ломен, – ты и не заметишь, как боль пройдет. Все будет выглядеть иначе, чем теперь. Поверь мне.

Она заморгала и посмотрела на него, не понимая смысла его слов. Она еще не знала, что собираются с ней сделать.

Уорфи вонзил иглу в вену.

Нелла содрогнулась.

Золотистая жидкость вытекала из шприца, смешиваясь с ее кровью.

Она закрыла глаза и тихо заплакала. Плакала о страшной потере.

«Возможно, это лучше – не печалиться так, не любить так сильно», – подумал Ломен.

Шприц был пуст.

Уорфи вынул иглу.

Ломен вновь встретился с ним взглядом.

По телу Неллы прошла судорога.

Для обращения требовалось сделать еще два укола, и, кроме того, кто-нибудь должен был находиться рядом с Неллой в ближайшие два-три часа для того, чтобы она сама не причинила себе вреда. Превращение в Нового человека было мучительным процессом.

Неллу вновь сотрясла дрожь.

Уорфи повернул голову, и свет от лампы отразился в стеклах его очков, как в зеркалах, придавая ему зловещий вид.

С каждым мгновением судороги становились все сильнее и продолжительнее.

– Что здесь происходит? – Вопрос прозвучал из уст Джорджа Валдоски, неожиданно появившегося в дверях.

Ломен так внимательно всматривался в лицо Неллы, что не расслышал шагов ее мужа. Он сразу поднялся и выпустил руку Неллы.

– Доктор считает, что она нуждается...

– А к чему эта игла для лошадиных доз? – спросил Джордж, показывая на огромный шприц. Сама игла была вполне обычного размера.

– Это транквилизатор, – пояснил Уорфи. – Ей нужно...

– Транквилизатор? – оборвал его Джордж. – Похоже, что вы вкололи ей дозу, которая свалит и быка.

Ломен вмешался:

– Послушай, Джордж, доктор знает, что он...

Нелла сползла с подушек и вытянулась на кровати. Ее тело неожиданно напряглось, пальцы сжались в кулаки, челюсти плотно сомкнулись. На шее и висках вздулись вены, было видно, что кровь хлещет по ним с бешеной скоростью. Глаза Неллы закатились, и она погрузилась в сумерки Великого обращения, на грань сознательного и бессознательного.

– Что с ней? – воскликнул Джордж.

Губы Неллы исказила гримаса боли, она издала странный, хриплый стон. Тело ее выгнулось дугой, касаясь постели лишь плечами и пятками. Казалось, бешеная энергия переполняет ее и не находит выхода. В какое-то мгновение страшная сила, похоже, была готова разорвать ее изнутри. Затем Нелла рухнула на кровать, содрогнулась, и все тело ее покрыл обильный пот.

Джордж взглянул на Уорфи, на Ломена. Он чувствовал, что свершается что-то страшное, но не понимал смысла происходящего.

– Стой на месте. – Ломен направил на Джорджа свой револьвер, когда тот начал отступать за порог спальни. – Вернись, Джордж, и ложись на кровать рядом с Неллой.

Джордж Валдоски застыл в дверях, уставившись на револьвер, не веря своим глазам.

– Если попробуешь уйти, – продолжал Ломен, – мне придется застрелить тебя, а мне не хотелось бы, по правде говоря, этого делать.

– Ты не посмеешь, – проговорил Джордж, напоминая о десятилетиях их дружбы.

– Я сделаю это, – холодно возразил Ломен. – Мне придется убить тебя по необходимости, а потом мы все объясним, рассказав историю, которая тебе вряд ли понравится. Мы объясним, что обнаружили кое-какие несоответствия в показаниях, что нашли улики, доказывающие, что именно ты убил Эдди. Убил собственного сына, чтобы выпутаться из грязной сексуальной истории. Так вот, когда мы предъявили тебе доказательства, ты выхватил у меня из кобуры револьвер, завязалась драка. Ты был убит. Дело закрывается.

Джордж потерял дар речи. Услышать такое от человека, которого всегда считал близким и преданным другом! Угроза Ломена была чудовищной. Джордж сделал шаг в комнату.

– Вы хотите всем сказать, что я... что я совершил это с Эдди? Но почему? Что ты делаешь, Ломен? Что, черт возьми, ты делаешь? Кого... кого ты покрываешь?

– Ложись на кровать, – сказал Ломен.

Неллу продолжали сотрясать судороги, нескончаемые, мучительные. Все лицо покрыл пот, волосы перепутались. Глаза были открыты, но она, казалось, никого не видела. Возможно, она была без сознания. Что представало перед ее взором? Неведомое? Закоулки души? Сам Ломен ничего не помнил про момент своего обращения, в воспоминаниях осталась только сжигающая боль.

Еле передвигая ноги, Джордж Валдоски приблизился к кровати.

– Что происходит, Ломен? Боже, что это? Что с ней?

– Все будет хорошо, – сказал Ломен, – это к лучшему, Джордж. Поверь мне, к лучшему.

– Что к лучшему? Что, господи...

– Ложись, Джордж. Все будет в порядке.

– Что происходит с Неллой?

– Ложись, Джордж. Так будет лучше.

– Да, будет лучше, – поддержал его доктор.

Уорфи закончил набирать золотистую жидкость из второго флакона.

– В самом деле, тебе будет легче, – сказал Ломен, – поверь мне.

Револьвером он подал знак лечь и ободряюще улыбнулся.

18

Дом Гарри Талбота был выстроен в функциональном стиле Баухаус и радовал глаз красной мореной древесиной и широкими окнами. Он находился в трех кварталах к югу от центра Мунлайт-Кова, на восточной стороне Конкистадор-авеню, названной в честь испанских завоевателей, которые стояли лагерем в этих местах несколько веков назад. Они сопровождали католических священников, основывавших на калифорнийском побережье свои миссии. Иногда Гарри снились сны: он видел себя среди этих солдат, смело продвигающихся на север, в глубь неизведанных территорий, и это были хорошие сны, так как в них он обходился без инвалидной коляски.

Большинство домов в Мунлайт-Кове было построено на лесистых холмах вдоль моря, и от дома Гарри как раз начинался спуск по Конкистадор-авеню, так что для человека, единственным занятием которого было наблюдать за горожанами, лучшего места было не сыскать. Из своей спальни на третьем этаже, расположенной в северо-западном углу дома, он мог видеть большую часть улиц между бухтой и Конкистадор-авеню – Юнипер-лейн, Серра-стрит, Рошмор-уэй, а также Кипарисовую аллею. Кроме того, в поле его зрения попадали все улицы, которые пересекали этот район с юга на запад. К северу он мог захватывать взглядом часть Оушн-авеню и даже более удаленные места. Конечно, он видел бы гораздо меньше, если бы его дом не был на один этаж выше остальных, а в спальне не был бы установлен 60-миллиметровый телескоп, дополненный парой хороших биноклей.

В понедельник, 13 октября, в 21:30 Гарри сидел на самодельном стуле, поставленном в проеме между западным и северным окном, и всматривался в окуляр телескопа. Высокий стул имел подлокотники и спинку, как у кресла, четыре крепкие ножки и мощное основание. Оно было необходимо, чтобы стул не опрокидывался, когда Гарри пересаживался в него из инвалидной коляски. На стуле имелись пристежные ремни, похожие на автомобильные, они позволяли ему наклоняться вперед к телескопу без риска упасть на пол.

Сама же пересадка из инвалидной коляски в кресло была для Гарри настоящим испытанием. Левая рука и левая нога у него вообще не действовали, а правая нога еле-еле слушалась, так что он мог надеяться только на свою правую руку – слава богу, хоть ее пощадили вьетконговцы. Но все эти усилия окупали себя, ибо с каждым годом Гарри Талбот все больше увлекался зрелищем, которое открывал ему телескоп. Сидя в кресле, он иногда почти забывал о своей инвалидности, так как по-своему тоже участвовал в жизни города.

Его любимым фильмом была лента «Окно во двор» с Джимми Стюартом. Он посмотрел ее, наверное, сотню раз.

В данный момент Гарри разглядывал задний двор похоронного бюро Каллана, единственного заведения подобного рода в Мунлайт-Кове. Оно находилось на восточной стороне Юнипер-лейн, улицы, параллельной Конкистадор-авеню, но расположенной на один квартал ближе к морю. Гарри наводил свой телескоп между двумя домами на противоположной стороне улицы, туда, где за соснами и проходным двором виднелся корпус похоронного бюро. В поле зрения Гарри попадал угол гаража для катафалка, черный ход в похоронное бюро и вход в новое крыло здания, где покойников бальзамировали и готовили для церемонии прощания; здесь находился крематорий.

За последние два месяца Гарри довелось наблюдать немало странных сцен возле похоронного бюро. Сегодня, однако, все было спокойно, хотя Гарри не собирался упускать это место из виду.

– Муз?

Пес поднялся с подстилки в углу и подошел к Гарри. Это был взрослый черный ньюфаундленд, в темноте его практически не было видно. Он лизнул ногу Гарри – правую, ту, которая еще сохраняла чувствительность.

Наклонившись, Гарри погладил Муза.

– Принеси мне пива, приятель.

Муза воспитали в питомнике собак-поводырей, и он всегда был рад услужить хозяину. Он подбежал к маленькому холодильнику в углу. Такие холодильники ставят в ресторанах под стойкой, и их можно открывать при помощи ножной педали.

– Не здесь, – подсказал Гарри, – я забыл днем принести упаковку из кухни.

Пес уже обнаружил, что в холодильнике нет пива «Курз», и выбежал в холл. Его лапы стучали по деревянному полу. В комнатах не было ковров, так как инвалидная коляска лучше катилась по твердой поверхности. В холле собака нажала на кнопку лифта, и дом сразу же наполнился визгом и скрипом подъемного устройства.

Гарри снова склонился к телескопу, наведенному на задний двор бюро Каллана. Туман волнами накатывал на город, его сплошная пелена временами сменялась почти прозрачной дымкой. Однако задний двор похоронного бюро был освещен фонарями, и видимость была отличная; Гарри как будто стоял там, во дворе, между двумя кирпичными башенками, образующими вход с улицы. Если бы не туман, он мог бы даже сосчитать заклепки на стальной двери крематория.

Гарри услышал, как сзади раскрылись двери лифта. Судя по звуку мотора, Муз уехал на первый этаж.

Гарри надоело наблюдать за погребальной конторой, и он переместил телескоп влево. Здесь было пустое пространство, а за ним открывался вид на дом Госдейлов, он был на Юнипер-лейн. Гарри решил заглянуть в окно гостиной.

Правой рукой он вывинтил окуляр и поставил на его место другой, выбрав нужный из тех, что лежали на столике рядом с креслом. Через этот окуляр он мог видеть все, что происходит в гостиной, туман совсем не заслонял зрелища. В данный момент Герман и Луиза Госдейл играли в карты со своими соседями – Даном и Верой Кайзер.

Так было у них заведено – каждый вечер понедельника и иногда по пятницам играть в карты.

Лифт, судя по прекратившемуся шуму, приехал на первый этаж. Муз, должно быть, сейчас бежит на кухню.

Несколько раз в ясные вечера, когда Дан Кайзер сидел спиной к окну, Гарри мог различить, какие карты у него в руке. Иногда его даже подмывало позвонить Герману Госдейлу и сообщить ему все про карты соперника по игре, а заодно дать пару советов.

Однако Гарри не осмеливался посвящать людей в тайны своего времяпрепровождения. Ночью он специально гасил свет, чтобы никто не увидел его силуэта в окне. Ведь он незримо присутствовал в жизни этих людей, и они могли не понять его. Люди со здоровыми руками и ногами вообще относятся к инвалидам с предубеждением, им кажется, что паралич рук и ног не может не отразиться на голове. Они наверняка посчитают, что Гарри сует нос не в свое дело; хуже того, они могут принять его за маньяка, страдающего половым извращением.

На самом деле ничего подобного не было. Гарри Талбот установил сам для себя строгие правила и неукоснительно их придерживался. Например, он никогда не смотрел на раздетых женщин.

В доме напротив жила Амелия Скарлатти, и однажды он случайно обнаружил, что она любит проводить вечера в спальне, в обнаженном виде слушая музыку или читая книги. Она включала только маленькую лампу на столике у кровати, шторы не задергивала, так как кровать находилась далеко от окна, и практически никто, кроме Гарри, не мог видеть ее. Амелия была красивой женщиной. Даже сквозь полупрозрачные занавески и в полутьме ее восхитительное тело было открыто Гарри во всех деталях. Пораженный ее наготой, прикованный видом ее роскошного, полногрудого тела, он глядел на нее в течение минуты. Затем, обожженный своей бестактностью и желанием, он отвернул телескоп в сторону. И хотя у Гарри вот уже двадцать лет не было женщины, он никогда больше не вторгался в спальню Амелии. Только по утрам он смотрел, как она завтракает в своей скромной кухне на первом этаже, и любовался ее лицом, в то время как она съедала булочку с соком или тосты с яйцами. Она казалась ему настолько прекрасной, что он не смог бы описать ее внешность словами. К тому же, по его сведениям, она была очень порядочной женщиной. Он подозревал, что влюбился в нее, как влюбляется ученик в свою учительницу, но никогда не использовал безответную любовь в качестве оправдания для нескромных взглядов в сторону ее спальни.

Так же тактично он поступал и в других ситуациях. Он лишь наблюдал, как его соседи дерутся, как они смеются, едят, играют в карты, болтают, моют посуду и совершают множество других повседневных дел. Он вовсе не хотел узнавать что-то грязное из их жизни или испытывать превосходство. Ему не было нужды в дешевых зрелищах для поднятия духа. Единственное, к чему он стремился, – это стать участником их жизни, присоединиться к ним, пусть без слов и поступков, и ощущать себя вместе с ними одной семьей; он хотел, чтобы появился кто-то, о ком надо заботиться. Через эту заботу он вновь обрел бы былую полноценную жизнь.

Вновь заработал мотор подъемника. Значит, Муз дошел до кухни, открыл одну из дверей четырехкамерного холодильника, достал упаковку пива и сейчас возвращается к нему.

Гарри Талбот был общительным человеком, и, когда он вернулся с войны с одной здоровой рукой и практически без ног, врачи посоветовали ему переехать в пансионат для инвалидов, где он находился бы среди людей и о нем бы заботились. Врачи предупредили его, что он не будет принят в мир здоровых людей; по их словам, он столкнется с неосознанной, но очень болезненной для него жестокостью со стороны большинства этих людей, его будут избегать, и в конце концов от одиночества он может впасть в глубокую депрессию. Но Гарри так же упорно стремился к независимости, как когда-то – к общению, и перспектива жить в компании инвалидов и сиделок вовсе не улыбалась ему. Он предпочел полное одиночество. Теперь он жил один, если не считать Муза, редких гостей и приходящую раз в неделю экономку миссис Хансбок (он прятал от нее телескоп и бинокли в стенной шкаф). Большая часть предупреждений врачей о людской черствости оправдалась; однако они не могли представить себе способностей Гарри. Ему удалось преодолеть свое одиночество несколько экзотическим, но невинным способом. Он стал незримым членом семей почти всех своих соседей.

Подъемник достиг третьего этажа. Дверь отворилась, и Муз, вбежав в спальню, направился к креслу Гарри.

Телескоп был укреплен на движущейся платформе, Гарри откатил его в сторону. Он нагнулся и, погладив собаку по голове, взял у нее из пасти холодную банку, которую Муз держал зубами за нижнюю часть, чтобы не запачкать. Гарри зажал банку в коленях, взял со стола фонарик и, посветив на этикетку, убедился, что пес принес именно пиво, а не кока-колу.

Умная собака была приучена различать слова «пиво» и «кока-кола» и редко ошибалась. Правда, иногда она забывала задание по пути на кухню и брала не ту банку. Еще реже Муз приносил совсем посторонние вещи: газету, домашнюю туфлю, коробку с бисквитами для собак, а однажды принес сваренные вкрутую яйца, причем так бережно, что не повредил скорлупу. Как-то он притащил даже щетку из арсенала экономки. В таких случаях Гарри повторял указание, и во второй раз Муз никогда не ошибался.

Гарри уже давно решил, что пес не столько ошибается, сколько подшучивает над ним. Они понимали друг друга с полуслова, и Гарри был теперь убежден, что у собак тоже есть чувство юмора.

На этот раз без шуток и ошибок Муз принес именно то, что просили. Гарри при виде пива почувствовал жажду.

Выключив фонарик, он похвалил собаку:

– Хороший мальчик, хороший, славный пес.

Муз тихо зарычал от счастья. Он присел и ждал новых указаний.

– Ну, иди, Муз. Ложись. Славный пес.

Муз разочарованно поплелся на свою подстилку, а Гарри откупорил банку и сделал большой глоток.

Потом он поставил пиво на стол, придвинул к себе телескоп и вновь обратился к безмолвному общению с ночью, со своими соседями, со своей большой семьей.

Госдейлы и Кайзеры продолжали играть в карты.

В окрестностях похоронного бюро двигался лишь клубящийся туман.

По Конкистадор-авеню, освещенный светом фонарей у дома Стембека, не торопясь шел Рэй Чанг, владелец единственного в городе магазина по продаже телевизоров и электроники. Он выгуливал свою собаку Джека – золотистого ретривера. Собака обнюхивала каждое дерево, выбирая, какое пометить.

Знакомые издавна сцены спокойной городской жизни очень нравились Гарри, но настроение его резко изменилось, когда он перевел телескоп на дом Симпсонов. Элла и Денвер Симпсон жили в доме кремового цвета с черепичной крышей, выстроенном в испанском стиле. Дом находился на противоположной стороне Конкистадор-авеню на два квартала севернее, как раз возле старого католического кладбища и в одном квартале от Оушн-авеню. Так как ничего на кладбище, за исключением одного дерева, не заслоняло вид на этот дом, Гарри мог без помех, хотя и под углом, созерцать все его окна. Он заглянул в окно кухни. Наведя на резкость, он увидел Эллу Симпсон, которая сцепилась со своим мужем, прижавшим ее к холодильнику; она пыталась вырваться, махала руками и, вероятно, кричала.

Гарри ощутил, как дрожь пробежала по его израненному шрапнелью позвоночнику.

Он сразу понял, что происходящее в доме Симпсонов связано с другими странными событиями, которые ему довелось наблюдать в последнее время. Денвер работал почтальоном, а Элла возглавляла процветающий косметический салон. Им было чуть больше тридцати. Это была одна из немногих негритянских семей в городе, и, насколько Гарри знал, брак их был счастливым. Серьезная ссора между ними представлялась настолько необычной, что Гарри не мог не вспомнить о других необъяснимых случаях, которым был свидетелем.

Элла наконец сумела вырваться из рук мужа, но она успела сделать только один шаг, как он нанес ей сильный удар. Женщина рухнула на пол.

Муз, видимо, почуял перемену в настроении своего хозяина. Пес поднял голову и пару раз глухо пролаял.

Неожиданно на кухне Симпсонов появились двое новых персонажей. Гарри опознал в них офицеров полиции Мунлайт-Кова, несмотря на то что они были одеты в гражданскую одежду. Это были Пол Готорн и Риз Дорн. Их появление лишь укрепило подозрения Гарри о связи этого события со случаями, в которых насилие странным образом сочеталось с атмосферой заговора и которые он наблюдал из своего окна. Гарри ломал голову, но не мог понять, что происходит в его некогда тихом и спокойном городке. Готорн и Дорн подняли Эллу с пола и взяли ее под руки с двух сторон. Элла, видимо, была в полубессознательном состоянии от жестокого удара мужа.

Денвер что-то говорил Готорну, Дорну или своей жене. К кому он обращался – было непонятно, лицо его было искажено гримасой такой ярости, что Гарри вздрогнул.

В кухне появился еще один человек, он сразу же направился к окну и задернул шторы. Но Гарри сумел опознать в нем доктора Йена Фицджеральда – старшего по возрасту из трех врачей Мунлайт-Кова. Он практиковал в городе вот уже тридцать лет, и все с любовью называли его «док Фиц». Гарри лечился у него и знал его как заботливого врача, однако теперь доктор не был похож на самого себя. Гарри успел взглянуть в его лицо. И поразился перемене: свирепое выражение глаз и напряженные черты лица превращали знакомый облик в неподвижную, зловещую маску.

В кухне теперь было ничего не разглядеть. Гарри перевел телескоп на другое окно и так припал к окуляру, что ощутил боль. Проклиная туман и свою неловкость, он откинулся в кресле, чтобы дать отдохнуть глазам.

Муз забеспокоился.

Через минуту зажегся свет в угловой комнате на втором этаже дома Симпсонов. Гарри сразу же переключился на это окно. Это была спальня хозяев дома. Туман все больше ухудшал видимость, но он сумел разглядеть, что Готорн и Дорн на руках внесли Эллу в спальню и бросили на кровать.

Вслед за ними в спальню вошли Денвер и док Фиц. Доктор поставил свой черный саквояж на столик у кровати. Денвер задернул шторы на окне, выходившем на улицу Конкистадоров, затем подошел к окну, в которое смотрел Гарри. Какое-то время Денвер всматривался в ночь, и у Гарри возникло странное чувство, будто Денвер видит его, хотя их разделяли два квартала и у Денвера не было телескопа. Гарри уже не раз отмечал такой эффект при своих наблюдениях, но знал, что на самом деле никто его не видит.

Все же его пугали эти взгляды глаза в глаза. Наконец Денвер задернул шторы, оставив, однако, промежуток между ними дюйма в два шириной.

Гарри била дрожь, все тело покрылось холодным потом. Он пытался подобрать наиболее подходящий окуляр, настроить телескоп на наибольшую резкость, в конце концов ему это удалось. Теперь он как бы незримо присутствовал в спальне, стоял у окна. Туман слегка рассеялся и не создавал помех.

Готорн и Дорн держали Эллу за руки и за ноги. Она отбивалась, но силы были неравными.

Денвер пытался заткнуть рот жены кляпом из белой материи.

Мелькнуло лицо Эллы. Глаза вылезали из орбит.

– О черт! – Гарри сжал пальцы в кулак.

Муз встревожился и подошел к хозяину.

От отчаянной борьбы одежда на Элле смялась. На блузке расстегнулись пуговицы, юбка задралась выше колен. Несмотря на это, в сцене не было ничего, даже близко напоминающего изнасилование. Что бы они ни собирались делать с ней, это выглядело страшнее и загадочнее, чем обычное сексуальное домогательство.

Док Фиц встал у кровати, заслонив Эллу. В руках у врача был флакон с золотистой жидкостью, он наполнял ею шприц.

Затем он сделал Элле укол.

Что это был за укол?
Что происходит?

19

Поговорив со своей матерью, Тесса Локленд села в кровати и стала смотреть документальный фильм по Пи-би-эс. Она начала говорить вслух все, что думает об операторской работе, установке кадра, освещении, монтаже и тексте фильма и вдруг поняла, как нелепо звучат реплики, обращенные к самой себе. Тогда она стала передразнивать критиков телепрограмм. Большинство из них были о себе очень хорошего мнения, строили из себя бог знает что. Один Роджер Эберт – нормальный парень. Несмотря на свое игривое настроение, Тесса понимала, что ее поведение – это чересчур даже для нее, всегда самостоятельной и независимой. Конечно, она была на взводе из-за прогулки по пляжу, на котором погибла сестра, – хотелось разрядки. Однако жизнерадостность Локлендов тоже должна иметь границы.

Тесса выключила телевизор и, захватив пакет, решила пройти по коридору до автоматов для продажи прохладительных напитков и льда. Дверь в свой номер она оставила открытой.

Тесса всегда гордилась своей независимостью, свободой от ежедневной рутинной работы с девяти до пяти. Гордость эта казалась ей порой бессмысленной, так как обычно приходилось работать по двенадцать-четырнадцать часов в день вместо восьми, и в своей карьере она не добилась больших постов. Доходами также не приходилось хвастаться. Было несколько очень удачных лент, деньги могли течь рекой и дальше, если бы она захотела. Все сложилось иначе, и с тех пор заработанных денег хватало лишь на жизнь, не более того. Она как-то подсчитала, и оказалось, что в год она в среднем зарабатывает двадцать одну тысячу. Если не подвернется крупный заказ, в следующем году будет еще меньше.

Итак, денег мало, и вольному репортеру-документалисту, случись что, никто не поможет, но Тесса все равно считала, что ей повезло в жизни. Дело даже не в благожелательных откликах критиков о ее фильмах, не в природном оптимизме Локлендов. Повезло – это значит, что она могла ни на кого не оглядываться, могла быть самой собой в работе, а следовательно, и в жизни.

В конце коридора Тесса открыла тяжелую дверь и очутилась на лестничной площадке, где были установлены автоматы. Автомат по продаже воды был до отказа нагружен кока-колой, пивом, апельсиновой и «севен-ап», но машина для приготовления льда оказалась сломанной. Может быть, на первом этаже повезет больше? Тесса спустилась по лестнице, ее шаги по бетонному полу гулко отдавались в тишине. Звук был протяжный и холодный, словно внутри пирамиды, в царстве незримых духов.

Внизу никаких автоматов не было, стрелка указывала, что их следует искать в северном крыле. Пока до них доберешься, одной диет-колы не хватит, придется брать кока-колу с сахаром.

Ей показалось, что дверь наверху кто-то открыл. Если это так, то это первый за все время ее пребывания в мотеле признак живой души. До этого она не видела ни одного из постояльцев.

Коридор первого этажа был застелен таким же отвратительным оранжевым нейлоновым ковром, как и на втором этаже. Ну и вкусы у них. Глаза бы на это не глядели.

Если бы выбор приличного, уютного места зависел от толщины кошелька, она предпочла бы зарабатывать больше денег на фильмах. Но к сожалению, в Мунлайт-Кове нет других мотелей, так что в данном случае деньгами делу не поможешь, и ей придется созерцать этот оранжевый ужас. После него серый бетон на лестничной клетке подарком покажется, на нем глаз отдыхает.

Автомат в этом крыле здания работал. Тесса открыла дверцу и наполнила пакет кусочками льда в виде полумесяцев. Поставила пакет на крышку автомата, стала закрывать дверцу. И тут вновь услышала, как кто-то открыл дверь этажом выше, скрипнули несмазанные петли.

Тесса начала опускать четверть долларовые монетки в автомат по продаже кока-колы, ожидая, что кто-нибудь спустится по лестнице. Когда была опущена третья монетка, она сообщила, что звук был какой-то странный – словно кто-то, зная про несмазанные петли, специально придерживал дверь, стараясь не скрипнуть ею.

Держа палец на кнопке автомата, Тесса вслушалась.

Ничего.

Холодная бетонная тишина.

Такое же ощущение было у нее на пляже, когда она услышала этот загадочный далекий крик.

«Кто-то нарочно ждет, когда я нажму кнопку и аппарат начнет шуметь. Тогда скрипа петель не будет слышно». Придет же в голову такая сумасшедшая мысль.

Многие женщины до смерти испугались бы в такой ситуации. Но не Тесса. Хотя гибель Джэнис и выбила ее из колеи, она не поддастся панике, она знает теперь, где опасность – там, на верхней площадке, – невидимая, затаившаяся.

На лестничной клетке было три двери. В одну из них она вошла из коридора. Вторая выходила на задний двор мотеля, и от нее дорожка вела прямо к побережью. Через третью можно было выйти на стоянку машин перед фасадом здания. Тесса решила выйти в коридор, оставив в покое автомат, и быстро и бесшумно выскользнула за дверь.

Быстрым взглядом она уловила тень, метнувшуюся в конце коридора. Кто-то стремительно исчез на лестничной клетке в южном крыле. Хлопнула дверь.

Итак, по крайней мере двое мужчин – так она думала – следят за ней.

На верхней площадке раздался скрип несмазанных петель. Преследователю, видимо, надоело придерживать дверь.

Назад дороги не было. Там она попадет в ловушку.

Закричать? Позвать на помощь? А если и в самом деле, кроме нее, в мотеле нет постояльцев? Тогда ее преследователи, распаленные ее криком, начнут действовать в открытую.

Кто-то осторожно начал спускаться по лестнице с верхней площадки.

Тесса вернулась назад на лестничную клетку и сразу выбежала через дверь, ведущую на стоянку, окунувшись в ночной туман. Пробежав вдоль фасада здания, она остановилась напротив главного входа в мотель.

Дверь была открыта, яркий неон расцвечивал вход. За гостиничной стойкой стоял тот самый служащий, который выдал Тессе ключи от номера. Это был мужчина лет пятидесяти, слегка полноватый, гладко выбритый, с аккуратной прической. Его ухоженный вид плохо сочетался с коричневыми вельветовыми брюками и фланелевой рубашкой в красно-зеленую клетку.

Он отложил журнал, уменьшил звук радиоприемника и вышел навстречу Тессе. Прищурившись, он слушал ее рассказ о случившемся. Тесса никак не могла отдышаться после быстрого бега.

– Знаете, у нас городок небольшой, мэм, – сказал он, когда она закончила. – У нас в Мунлайт-Кове всегда очень спокойно. Так что вам не стоит бояться нападений из-за угла.

– Но это было на самом деле, – настаивала Тесса, бросая нервные взгляды на туманную дымку, подсвеченную неонами и проплывающую мимо окон.

– О, я охотно верю. Просто вам что-то привиделось, послышалось, и вы придали этому слишком большое значение. У нас действительно, кроме вас, есть еще двое постояльцев. Возможно, вы их и испугались, а они всего-навсего хотели взять кока-колу или лед. Так же как и вы. – Портье улыбнулся тепло, по-стариковски. – Признаюсь, наше заведение выглядит не очень весело, когда мало гостей.

– Послушайте, мистер...

– Куин, Гордон Куин.

– Послушайте, мистер Куин, все было совсем не так. – Тесса почувствовала, что говорит, как склочная и неумная женщина, не будучи таковой на самом деле. – Я не могла перепутать обычных постояльцев с насильниками или хулиганами. Я не истеричка. Эти двое замыслили что-то недоброе.

– Ну... ладно. Я думаю, вы ошибаетесь, но давайте все же проверим. – Куин вышел из-за стойки.

– Вы пойдете прямо так?

– Что значит – так?

– Без оружия?

Он снова улыбнулся. Тесса опять ощутила, что производит впечатление истерички.

– Мэм, – сказал он, – за двадцать пять лет работы я ни разу не встретил постояльца, с которым не смог бы справиться.

Его насмешливый, поучающий тон раздражал Тессу, но она не стала пререкаться, а последовала за ним к северному крылу здания. Он был большой, а она – маленькая и чувствовала себя подобно ребенку, которого отец ведет в детскую, чтобы показать, что никакие страшилища не прячутся ни под кроватью, ни в стенном шкафу.

Куин открыл дверь на лестничную клетку, и они вошли. Внутри никого не было.

Раздавался только слабый гул работающего автомата. На его крышке все так же стоял пакет со льдом, оставленный ею.

Куин распахнул дверь в коридор, показал, что никого нет и там. В дверь черного хода он заглянул сам, затем заставил заглянуть Тессу.

Она увидела лишь пустынную дорожку, идущую вдоль мотеля и освещенную фонарями.

– Вы говорили, что опустили деньги, но не нажали на кнопку? – спросил Куин.

– Да.

– Что вы хотели взять?

– Диет-колу.

Он нажал на кнопку, и банка выкатилась из автомата. Протянув ее Тессе, Куин напомнил:

– Не забудьте пакет со льдом.

Со льдом в руках, с жаром румянца на щеках и возмущением в сердце Тесса проследовала за портье на второй этаж. Здесь тоже никого не было. Только скрипнули несмазанные петли.

Дверь в ее номер оставалась открытой. Тесса замялась на пороге.

– Давайте проверим, – предложил Куин.

Комната, туалет и ванная не вызывали подозрений.

– Теперь чувствуете себя лучше?

– Я ничего не выдумывала.

– Конечно, конечно, – сказал он покровительственным тоном.

Когда Куин уже выходил в коридор, Тесса сказала:

– Я уверена, они были здесь. Честное слово. Наверное, удрали. Удрали, когда поняли, что я их обнаружила и пошла за подмогой.

– Тогда все в порядке, – сказал Куин, – вы в безопасности. Если они удрали, это почти так же хорошо, как если бы их не было вовсе.

Тессе пришлось сдержаться, чтобы не добавить к «спасибо» еще что-нибудь. Затем она закрыла дверь. На замке была собачка, она нажала на нее. Закрыла задвижку. Пригодилась и цепочка.

Окно не внушало опасений. Она убедилась в этом после тщательного осмотра. Одна из створок открывалась, но надо было разбить стекло и повернуть ручку, чтобы проникнуть в номер с улицы. Кроме того, понадобилась бы лестница.

Некоторое время Тесса сидела на кровати, вслушиваясь в тишину мотеля. Теперь каждый звук казался ей странным и пугающим. Существует ли связь между ее приключением и смертью Джэнис, наступившей три недели назад?

20

У Крисси после двух часов пребывания в узкой бетонной трубе начался приступ клаустрофобии. В кладовке, меньшей по размерам, чем труба, она провела гораздо больше времени, но, видно, здесь бетонный мрак и тишина сделали свое дело. Накопившаяся усталость натянула нервы до предела.

С автостреды доносился тяжелый грохот грузовиков; отражаясь от бетонных стен, он превращался для Крисси в вой драконов. Крисси затыкала уши. Грузовики шли то редко, то один за другим, и тогда от неумолчного рева можно было сойти с ума.

На нервы действовало и подземелье, в котором она очутилась. Ей уже стало казаться, что она в могиле. Она лежала в темноте и пыталась уловить в редких паузах, когда не было слышно грузовиков, звуки шагов ее преследователей.

Она прочла про себя еще один отрывок из книги своих приключений: ЮНАЯ КРИССИ НЕ МОГЛА ЗНАТЬ, ЧТО ЧЕРЕЗ МГНОВЕНИЕ БЕТОННАЯ ТРУБА ВЗОРВЕТСЯ И ЗАПОЛНИТСЯ ЗЕМЛЕЙ, ПРИДАВИВ ЕЕ, КАК БУКАШКУ, И НАВСЕГДА ОТРЕЗАВ ОТ МИРА ЖИВЫХ.

И все же лучше пока остаться здесь. Они, должно быть, до сих пор рыщут в округе, рядом с трубой. Здесь все-таки безопаснее.

Вот только воображение разыгралось вовсю. Хотя она явно была сейчас в одиночестве, во мраке ей мерещились всякие ужасы: змеи, сотни пауков, тараканы, крысы, колонии летучих мышей-вампиров. Начал мерещиться и призрак какого-то ребенка, потерявшегося давным-давно в этих трубах и здесь погибшего. Его неприкаянная душа бродила где-то рядом, пугая Крисси до смерти. Она понимала, что все это ерунда, что все это ей кажется, но тут ей вспомнились родители, Такер. Они предстали перед ней в образе оборотней. Опять раздался страшный грохот с автостреды, и опять к ней подкрадывался призрак ребенка. Надо было выбираться наружу.

21

Покинув гараж, в котором он скрывался от банды наркоманов (так он предполагал, других версий пока не было), Сэм направился на Оушн-авеню. По пути в мотель он зашел в таверну «Рыцарский мост», но лишь затем, чтобы купить упаковку пива «Гиннесс».

Чуть позднее он уже сидел в своем номере в «Ков-Лодже», пил пиво и раскладывал по полочкам имевшиеся факты расследования. Итак, 5 сентября трое активистов национального профсоюза сельскохозяйственных рабочих – Хулио Бустаманте, его сестра Мария Бустаманте и жених Марии Рамон Санчес возвращались на юг с виноградных плантаций, где они обсуждали с фермерами виды на будущий урожай. Они ехали в светло-коричневом фургоне «шевроле», машине было четыре года. Остановились поужинать в Мунлайт-Кове. Ужинали в семейном ресторане Пересов, выпили много спиртного (согласно показаниям официантов и посетителей ресторана). На обратном пути при выезде на автостраду не вписались в поворот, машина перевернулась и загорелась. Погибли все трое.

История могла бы остаться без продолжения и ФБР не занялось бы расследованием, если бы не множество нестыковок в материалах дела. Во-первых, если судить по отчету полиции Мунлайт-Кова, за рулем в момент аварии находился Хулио Бустаманте. Но достоверно известно, что Хулио не умел водить машину; более того, он не сел бы за руль поздним вече-

ром, так как страдал одной из форм куриной слепоты. Далее свидетели показали, что все трое были в состоянии сильного алкогольного опьянения, притом что люди, лично знавшие Хулио и Рамона, не замечали за ними склонности к выпивке, а Мария Бустаманте вообще никогда к рюмке не притрагивалась.

Семьи Санчеса и Бустаманте также были встревожены поведением властей Мунлайт-Кова. Никто из них не был оповещен о смерти родственников до 10 сентября, к тому моменту прошло уже пять дней после автокатастрофы. По словам начальника полиции Ломена Уоткинса, документы пострадавших были уничтожены в огне, а тела настолько обуглились, что их невозможно было идентифицировать по отпечаткам пальцев. Номерные знаки? К сожалению, Ломен Уоткинс не обнаружил их на месте происшествия. В связи с этим, имея в наличии три изуродованных трупа и не имея возможности определить их родственные связи, он дал распоряжения доктору Йену Фицджеральду оформить свидетельства о смерти. Затем тела были кремированы. «Вы же понимаете, у нас нет таких помещений, как в моргах больших городов, – объяснил Уоткинс, – мы не можем хранить трупы длительное время. Неизвестно, сколько времени понадобилось бы для их идентификации. Они могли оказаться иммигрантами-нелегалами, тогда вообще никто не смог бы их опознать».

«Великолепно», – мрачно подумал Сэм, откидываясь в кресле и делая большой глоток из банки с «Гиннессом».

Три человека погибли в автокатастрофе, их тела были кремированы еще до того, как были оповещены их родственники, еще до того, как к делу подключились специалисты с новейшей аппаратурой для опознания, еще до того, как были подтверждены или опровергнуты заключения полиции и свидетельства о смерти.

Были лишь слабые подозрения, что Бустаманте и Санчес пали жертвами в какой-то грязной игре, однако профсоюз был убежден, что это именно так. 12 сентября председатель профсоюза потребовал вмешательства ФБР на основании того, что антипрофсоюзные силы должны нести ответственность за гибель Бустаманте и Санчеса. По закону ФБР вмешивалось в дела об убийствах только в тех случаях, если подозреваемый пересекал границу штата для совершения преступления, во время совершения или после. Другим поводом для вмешательства, как в данном деле, могло стать убийство, ставшее следствием нарушения гражданских прав жертвы.

26 сентября после нелепых, но рутинных формальностей федеральной бюрократии группа из шести агентов ФБР из его филиала в Сан-Франциско (в том числе три человека из отдела научной экспертизы) отправились в командировку в живописный городок Мунлайт-Ков. Они опросили офицеров полиции, изучили отчеты полиции и коронера, сняли показания свидетелей из ресторана Переса, обследовали останки «шевроле», выброшенные на свалку, осмотрели место аварии, надеясь найти хоть какие-то улики. Версия о причастности кого-нибудь из жителей Мунлайт-Кова к антипрофсоюзной деятельности не подтвердилась – в городе совсем не было сельскохозяйственного производства, в гибели активистов никто не был заинтересован.

В ходе расследования местная полиция и коронер оказывали бригаде ФБР полную и искреннюю поддержку. Ломен Уоткинс и его люди даже выразили готовность пройти проверку на детекторе лжи. Что и было сделано. Результат – никаких намеков на обман. Коронер также оказался кристально честным человеком.

И тем не менее что-то здесь было явно нечисто.

Местные власти помогали как-то чересчур усердно. Все шесть агентов почувствовали, что за их спиной местные полицейские посмеиваются и издеваются над ними. Хотя внешне все было в рамках приличий, никто из полицейских не подавал никаких знаков, не подмигивал никому из свидетелей. Если хотите, называйте это подозрение инстинктом фэбээровца. Сэм был уверен, что этому инстинкту надо доверять, так же как хищник доверяет своему чутью в джунглях.

Кроме того, нельзя забывать и о других случаях насильственной смерти.

В ходе расследования дела Бустаманте – Санчеса агенты подняли отчеты о случаях насильственной смерти за два последних года. Надо было установить, отличается ли обычная процедура в этих случаях от действий полиции в данном деле. Если отличается, значит полиции есть что скрывать. Результат был неожиданным, ошеломляющим, но совсем в другом смысле. Мунлайт-Ков оказался городом удивительно безопасным для проживания, если не считать единственной аварии из-за превышения скорости, в которой погиб подросток. Других случаев насильственной смерти за два года не было. Они посыпались один за другим начиная с 28 августа, за восемь дней до гибели Бустаманте и Санчеса.

В преддверные часы 28 августа четыре члена семьи Майзер стали первыми жертвами этой эпидемии смертей. Это были Мелинда и Джон Майзер, а также их дети – Карри и Билли. Они сгорели заживо в собственном доме, полиция указала в качестве причины пожара неосторожное обращение детей со спичками. Все четыре трупа были настолько обуглены, что их идентификация проводилась на основании исследования зубов.

Прикончив первую банку пива, Сэм потянулся за второй, но вдруг заколебался. Работы еще предстояло много. Надо было поломать голову над многими загадками, а пиво совсем этому не способствовало.

Сэма, например, интересовал ответ на вопрос: почему ребенок, увидев огонь, не позвал на помощь родителей? Почему он не убежал еще до того, как дым начал распространяться по дому? И наконец, что могло вызвать настолько быстрый и разрушительный пожар (на бензин и тому подобное никаких указаний в отчете не было), что никто из четверых не спасся, а дом вместе с телами превратился в гору углей еще до приезда пожарных?

Снова великолепная, очень чистая работа. Обугленные трупы вроде бы не способствовали установлению истинных причин смерти. Поэтому помощник coronera, он же владелец похоронного бюро Каллан, он же подозреваемый в покрытии чьих-то преступлений, предложил ближайшей родственнице Майзеров кремировать тела ее близких. Возможные улики, таким образом, были уничтожены.

– Как все здорово, – сказал Сэм вслух, положив ноги на спинку второго стула. – Какая чистая, добротная работа.

Итак, имеется уже четыре трупа.

Далее, смерть Бустаманте и Санчеса 5 сентября. Снова огонь. Затем еще более поспешная кремация.

Имеется уже семь трупов.

7 сентября, когда пепел Бустаманте и Санчеса еще, должно быть, витал над Мунлайт-Ковом, его житель Джим Армс, двадцати одного года, отправился ранним утром на рыбалку на своей лодке «Мари Леандра» длиной тридцать футов. С тех пор его не видели. И это несмотря на то, что он был опытный рыбак, несмотря на то, что погода была прекрасная и море спокойное. Вероятно, он погиб во время сильного отлива, так как никаких останков на близлежащих пляжах выброшено не было.

Имеется, таким образом, уже восемь трупов.

9 сентября, в то время, когда рыбы, возможно, рвали на куски тело Армса, Паулу Паркинс разорвали доберманы. Их было пять. Пауле было двадцать девять, она жила одна, выращивая на продажу сторожевых собак на своей усадьбе в два акра, расположенной на окраине города. Очевидно, один из доберманов набросился на нее, а остальные налетели, почуяв запах крови. Изуродованные останки Паулы, на которые невозможно было смотреть без содрогания, были отправлены в запаянном гробу ее родственникам в Денвер. Собаки были застрелены, проверены на бешенство и сожжены в крематории.

Итак, девять трупов.

2 октября, через шесть дней после начала своего расследования, эксперты ФБР эксгумировали тело Паулы Паркинс на кладбище Денвера. Вскрытие показало, что женщина действительно была искусана и исцарапана до смерти при нападении на нее множества животных.

Сэм запомнил наиболее интересный абзац из отчета о вскрытии тела слово в слово: «... тем не менее следы укусов, царапин, разрывы кожи и внутренних органов, а также специфические повреждения молочных желез и половых органов не являются в целом характерными для картины, наблюдаемой при нападении собак на человека. Размеры отпечатков зубов и следов укусов не соответствуют размерам зубов среднего добермана или других животных, склонных к агрессивности и способных напасть на человека». И далее – из того же отчета, итоговое заключение о природе существ, совершивших нападение на Паркинс: «Биологический вид неизвестен».

От чего же погибла Паула Паркинс?

Через какие страдания и агонию она прошла?

Кто пытался свалить все на доберманов?

И еще – какие улики, проливающие свет на действительные причины смерти, могли иметься на трупах этих доберманов?

Может быть, эти улики опрокидывали версию полиции?

Сэм вспомнил о странном, далеком крике, который он слышал сегодня ночью, – крике койота не койота, кошки не кошки. Вспоминал странные, безумные голоса мальчишек, преследовавших его. Как-то все шло одно к другому. Инстинкт фэбээровца.

«Биологический вид неизвестен».

Выведенный из душевного равновесия, Сэм решил успокоить нервы глотком «Гиннеса». Но банка, которую он продолжал держать в руках, была пуста. Он ощутил на губах только холодный металл.

Шесть дней спустя после смерти Паркинс и задолго до эксгумации ее тела в Денвере еще два человека свели счеты с жизнью в Мунлайт-Кове. Стив Хейнц и Лаура Далко, не состоявшие в браке, но жившие вместе, были найдены мертвыми в своем доме на Айсберри-уэй. Хейнц оставил предсмертную записку, очень невнятную по содержанию, без подписи и отпечатанную на машинке, затем убил спящую Лауру из пистолета и застрелился сам. В отчете доктора Йена Фицджеральда этот случай квалифицировался как «убийство-самоубийство», уголовное дело поэтому не возбуждалось. По предложению коронера семьи Далко и Хейнца дали согласие на кремацию несчастных.

Одиннадцать трупов.

– Черт знает сколько кремаций в этом городе, – произнес вслух Сэм, вертя в руках пустую банку из-под пива.

Большинство родственников, насколько ему было известно, предпочитали хоронить своих близких в гробу, независимо от состояния тела. Так было принято в других городах, по крайней мере. На одну кремацию приходилось четыре-пять захоронений.

В ходе расследования дела Бустаманте – Санчеса бригада ФБР обнаружила также отчет о самоубийстве Джэнис Кэпшоу. Она приняла большую дозу валиума. Ее тело, истерзанное морем, было выброшено на берег через два дня после ее исчезновения и за три дня до прибытия агентов ФБР в Мунлайт-Ков.

Хулио Бустаманте, Мария Бустаманте, Рамон Санчес, четверо Майзеров, Джим Армс, Паула Паркинс, Стивен Хейнц, Лаура Далко, Джэнис Кэпшоу – двенадцать трупов меньше чем за месяц. Это ровно в двенадцать раз больше, чем все количество насильственных смертей в Мунлайт-Кове за предыдущие двадцать три месяца. Если учесть, что в городе живет всего три тысячи жителей, то двенадцать насильственных смертей за три недели – это, согласитесь, чертовски много.

Когда начальника полиции Ломена Уоткинса спросили о его мнении на этот счет, он ответил: «Да, это ужасно. Это даже пугает. Но у нас так долго царило полное спокойствие, что это тоже кому-то может показаться странным».

Двенадцать смертей от несчастных случаев – это большая цифра, даже если она относится к периоду в два года. Городок-то маленький.

Однако бригаде ФБР не удалось обнаружить никаких следов причастности местных властей к этим трагическим случаям. Детектор лжи также подтверждал эту непричастность, ведь ни один из этих людей – Ломен Уоткинс, его офицеры, коронер, его помощник – не дал повода ни для малейшего намека на ложь.

И все же...

Двенадцать смертей. Четыре человека сгорели при пожаре. Трое – в фургоне «шевроле». Три самоубийства: два – при помощи оружия, одно – при помощи валиума. Все десять человек кремированы в похоронном бюро Каллана. Один пропал в море – тело не обнаружено. Единственная жертва, доступная для исследования, оказалась искусанной вовсе не собаками, как следовало из отчета коронера, а разорванной черт знает кем.

Этого было достаточно, чтобы завести дело в ФБР. 9 октября, через четыре дня после возвращения бригады из Мунлайт-Кова, было принято решение послать в город тайного агента, чтобы исследовать на месте важные аспекты дела, которые невозможно прояснить при легальном вмешательстве.

На следующий день, 10 октября, в офис ФБР в Сан-Франциско пришло письмо, которое подкрепило решимость фэбээровцев вмешаться в это дело. Сэм запомнил это письмо также наизусть.

Джентльмены!

Я располагаю информацией, относящейся к ряду случаев со смертельным исходом в городе Мунлайт-Ков. У меня есть основания полагать, что местные власти замешаны в заговоре с целью скрыть преступные действия.

Я предпочел бы личный контакт со мной, так как не доверяю местной телефонной сети. Я вынужден настаивать на соблюдении тайны моего обращения к вам, так как являюсь инвалидом войны во Вьетнаме и не имею возможности защитить себя.

Письмо было подписано Гарольдом Г. Талботом.

Архив армии США подтвердил, что Талбот действительно является инвалидом войны во Вьетнаме. Неоднократно отмечался поощрениями за храбрость. Сэм собирался навестить его завтра с соблюдением всех предосторожностей.

Это будет завтра. А пока Сэм раздумывал, может ли он позволить себе выпить вторую банку пива в добавление к тому, что было выпито за ужином. Ночью спать не придется. Упаковка пива лежала на столе перед ним. Он долго смотрел на нее. Пиво «Гиннесс». Хорошая мексиканская кухня, Голди Хоун и страх смерти. Мексиканский ужин был у него в желудке, но он уже успел забыть его вкус. Голди Хоун жила где-то на ранчо с Куртом Расселом, которого она, вероятно из-за своей легкомысленности, предпочла заурядному, израненному и потерявшему надежду федеральному агенту. Сэм еще подумал о двенадцати погибших мужчинах и женщинах, об их телах, сожженных в крематории, об убийстве и самоубийстве, о телах, пожираемых рыбами, об искусанной до смерти женщине, и все это привело его к мрачным размышлениям об уделе всякой смертной плоти. Он подумал о своей жене, умершей от рака, он подумал о Скотте и об их телефонном разговоре тоже, и вот тогда он открыл вторую банку пива.

22

Преследуемая воображаемыми пауками, змеями, жуками, крысами, летучими мышами, скорее всего, придуманным ею призраком погибшей девочки и оглушающим ревом грузовиков, Крисси в конце концов выбралась из своего убежища. Далее ей предстоял путь по туннелю, где опять пришлось пережить несколько неприятных мгновений, перешагивая через останки дохлого енота. Вот и выход. Ночной выход был чист и свеж. Боязнь замкнутого пространства прошла, хотя она была еще в узкой канаве, запечатанной сверху густым туманом. Крисси жадно глотала холодный влажный воздух, стараясь, однако, чтобы шума при этом было как можно меньше.

Она вслушалась в ночь и вскоре различила знакомые уже ей крики, они раздавались с поля, за которым на юге начинался лес. Как и раньше, она ясно различала голоса трех существ. Если ее ищут там, в южной стороне, где начинаются владения компании «Микротехнология», то, значит, ей открыт путь назад, на север, в сторону Мунлайт-Кова.

Ясно, что она не может больше оставаться здесь.

Ясно, что, направившись на юг, она попадет к ним в лапы.

Крисси выкарабкалась из канавы и побежала по той же дороге, которая увела ее от дома вчера вечером. По пути она пересчитывала свои несчастья. Она голодна, так как не поужинала. Она устала. У нее болят мышцы от долгого неподвижного сидения в трубе. И ноги болят.

«Так в чем же дело? – спросила себя Крисси, добежав до леса. – Разве лучше, получив от Такера укол, обратиться в похожее на него существо?»

23

Ломен Уоткинс покинул дом Валдоски, доктор Уорфи остался наблюдать за обращением Эллы и Джорджа. Недалеко от дома, на шоссе, офицеры полиции и коронер грузили тело мальчика в катафалк. Любопытные жители соседних домов были в шоке от зрелища, представшего их взорам.

Ломен сел в свою машину и включил зажигание. Сразу же засветился зеленоватый экран компьютера. Он был укреплен на кронштейне между передними сиденьями. Замигал индикатор, показывая, что в штаб-квартире местной полиции имеется для него срочное сообщение. Такое, которое они решили не передавать по обычной полицейской радиосвязи.

Он работал с компьютерной связью уже несколько лет и все же иногда удивлялся, когда в машине зажигался этот зеленоватый экран. Такая техника довольно давно появилась в больших городах вроде Лос-Анджелеса, но еще не дошла до маленьких городов. Мунлайт-Ков был исключением. Не из-за того, что местные власти разорились на оборудование для полиции, а благодаря компании «Микротехнология новой волны» – лидеру в области компьютерной связи между базами данных. Компания оснастила полицейское управление и все машины своей техникой, программным обеспечением и непрерывно совершенствовала свои разработки, проверяя их эффективность на практике при помощи полиции Мунлайт-Кова.

Это был один из множества путей, посредством которых Томасу Шаддэку удалось проникнуть в местные структуры еще до того, как он достиг тотальной власти в городе при помощи проекта «Лунный ястреб».

Тогда Ломену хватило сообразительности увидеть за широким жестом компании нечто большее – благословенный дар свыше. Теперь он убедился в этом сполна.

Со своего терминала Ломен мог связаться с центральным компьютером в полицейском управлении на Якоби-стрит, мог получить любую информацию из баз данных или переговорить с дежурным диспетчером так же просто, как и по обычной радиосвязи. Более того, он мог,

не выходя из машины, связаться с Департаментом дорожной полиции в Сакраменто и получить любые сведения о номерных знаках, узнать в Управлении тюрем данные по конкретному преступнику. Кроме того, он мог выйти через свой компьютер в национальную информационную сеть правоохранительных органов.

Ломен поправил кобуру, так как случайно сел на нее.

Набрав на клавиатуре свой опознавательный код, он получил доступ в систему.

Еще в середине восьмидесятых почти отпала необходимость бегать высунув язык, чтобы добыть необходимые данные по делу. Теперь только полицейские из телесериалов, вроде Хантера, были вынуждены метаться повсюду в поисках информации, так как это выглядело зрелищнее, чем кропотливая работа с суперсовременной техникой.

Компьютер известил Ломена о готовности приема сообщения.

Сигнал вызова погас.

Конечно, если бы все превратились в Новых людей и удалось бы решить проблему «одержимых», тогда, по всей вероятности, не стало бы преступлений и надобность в полиции отпала бы. В обществе пока существует социальная несправедливость, но в Новом мире все люди будут равны, как равны между собой машины, – у них будут одни и те же цели и желания, не будет необходимости кого-то обгонять и конфликтовать. У большинства преступников есть дефекты в генотипе, их социальная агрессия и объясняется этими дефектами. Здесь тоже картина изменится. За исключением «одержимых», Новых людей можно будет поддерживать в великолепном генетическом состоянии. Так, по крайней мере, считает Шаддэк.

Иногда Ломен Уоткинс задумывался о том, как в этом грандиозном плане будет решаться вопрос со свободой. Возможно, ей не найдется места. Порой ему было все равно – будет свобода или ее не будет. Но в какие-то моменты его безразличие... просто пугало его до смерти.

Слева направо на экране начали появляться строчки текста, светло-зеленые буквы ярко светились на темном фоне:

ДЛЯ: ЛОМЕНА УОТКИНСА

ОТ: ШАДДЭКА

ДЖЭК ТАКЕР НЕ ДОЛОЖИЛ О РЕЗУЛЬТАТАХ ПОЕЗДКИ К ФОСТЕРАМ. ТЕЛЕФОН ТАМ НЕ ОТВЕЧАЕТ. НЕОБХОДИМО СРОЧНО ПРОЯСНИТЬ СИТУАЦИЮ. ЖДУ ВАШЕГО ОТЧЕТА.

У Шаддэка был прямой выход на компьютер управления из его дома на северной оконечности бухты. Он мог оставить сообщение для Уоткинса или любого другого офицера, и никто не мог их прочитать, за исключением указанного адресата.

Экран погас.

Ломен Уоткинс снял машину с ручного тормоза, нажал на сцепление и помчался к конюшням Фостера, несмотря на то что это место находилось за пределами города и, следовательно, за пределами юрисдикции городской полиции. Он уже давно не обращал внимания на соблюдение границ и правовых норм. Уоткинс оставался полицейским лишь в силу того, что такова была его роль, он будет ее играть, пока весь город не пройдет через Великое обращение. Старые порядки его уже не интересуют, так как он – Новый человек, он выше этого.

Его вообще большей частью ничего не интересовало и не тревожило. День за днем, час за часом он терял свои чувства.

Оставался лишь страх, который его новое сознание допускало, так как страх был частью механизма выживания. Этот механизм, в отличие от любви, радости, надежды и переживаний, был нужен эффективному организму. И сейчас этот страх был с ним. Он боялся «одержимых». Боялся, что проект «Лунный ястреб» станет известен остальному миру и потерпит крах, похоронив под своими обломками и его. Боялся своего единственного хозяина – Шаддэка. Иногда, в особенно мрачные минуты, он боялся и самого себя, и Нового мира, который грядет.

Муз тихо посапывал в углу темной спальни. Он иногда негромко рычал во сне – должно быть, охотился на кроликов, а может быть, исполнял поручения своего хозяина, ведь он был хорошей служебной собакой.

Гарри, наклонившись к окуляру телескопа, наблюдал за служебным двором похоронного бюро Каллана на Юнипер-лейн. Как раз сейчас во двор бюро въезжал катафалк. Виктор Каллан и его помощник Нед Райдок погрузили на тележку тело и повезли его в крематорий. Пластмассовый мешок, в котором лежал труп, был сложен пополам – в нем мог находиться только мертвый ребенок. Дверь закрылась и заслонила от Гарри происходящее.

Иногда на окнах морга жалюзи не опускали, и Гарри имел возможность наблюдать, что происходит внутри, вокруг столов, на которых бальзамировали покойников. Он мог видеть даже то, что он не хотел видеть. Однако сегодня жалюзи были опущены.

Гарри медленно начал обозревать окрестности похоронного бюро, Конкистадор-авеню, Юнипер-лейн. Он не искал чего-то особенного, просто пробежал взглядом по знакомым очертаниям домов и деревьев и внезапно наткнулся на две очень странные фигуры. Они двигались быстро и скрытно по улице, затем по незастроенной площадке у похоронного бюро. Бежали то на четвереньках, то выпрямившись, но скорее как животные, а не как люди.

«Призраки».

Сердце учащенно заколотилось.

Он уже видел подобное три раза за прошедший месяц и, когда это случилось впервые, не поверил своим глазам. Существа были призрачными, словно сотканными из ночной тени, они так быстро промелькнули, что он подумал, не мерещится ли ему от усталости непонятно что; позже он стал называть их «призраками».

Они бежали быстрее кошек. Промчались мимо и исчезли в темноте, прежде чем он успел перевести телескоп вслед за ними.

Теперь он искал их на незастроенном участке. В высокой траве и кустах спрятаться было легко, к тому же туман, зацепившись за кустарник, закрыл это место белой пеленой.

Вот и они. Две сгорбившиеся фигуры ростом с человека. Одна – чуть светлее, другая совсем темная, почти слившаяся с ночным мраком. Черт лица не разобрать. Они укрылись в тени огромной ели, росшей в середине участка.

Дрожащими руками Гарри стал наводить телескоп на резкость. Видно стало чуть-чуть лучше, фигуры начали выделяться из темноты, но деталей было по-прежнему не разобрать.

Вот если бы у него был «Телетрон», одна из моделей прибора ночного видения «Стартрон», тогда он бы их разглядел поподробнее. Гарри пользовался такими приборами в армии. Дорогая штука, зато позволяет видеть ночью практически все. Там используется любое слабое излучение – свет луны, звезд, тепловое излучение, оно умножается в восемьдесят пять тысяч раз. Ночь превращается в сумерки или даже в день, но, конечно, не солнечный, а пасмурный. Модель «Телетрон» разработана специально для подключения к телескопу. Обычно для Гарри вполне достаточно лунного света или света из окон, но для наблюдения за «призраками» хорошо бы иметь особую технику.

Существа явно выслеживали кого-то, наблюдая то за Юнипер-лейн, то за бюро Каллана. В их движениях была кошачья гибкость.

Одно из них взглянуло в его сторону. Гарри увидел глаза – золотистые, излучающие слабое сияние. Таких глаз он прежде никогда не встречал. Лихорадочный страх охватил его, но вовсе не из-за сверхъестественности происходящего. Скорее наоборот, он находил что-то знакомое в этих глазах, что-то лежащее в глубинах подсознания, в памяти предков, дошедшей до него через гены.

Никогда со времен Вьетнама он не испытывал такого ледящего, мучительного страха. Муз, очнувшись ото сна, почувствовал что-то неладное. Он поднялся и, приблизившись к хозяину, зарычал низко, вопросительно.

Кошмарный облик «призрака» промелькнул и снова исчез в темноте. Кроме таинственных янтарных глаз, мало что удалось разглядеть. Обманчивый свет луны скорее мешал, чем помогал.

И все же Гарри был ошеломлен, раздавлен увиденным.

Муз еще раз пролаял, беспокоясь за хозяина.

Не в силах оторваться от телескопа, Гарри восстанавливал в памяти облик существа, возникшего только что перед ним. В нем было что-то от обезьяны, но морда была более вытянутой и более безобразной. Загадочное, невиданное человекообразное существо. В пугающем облике проглядывали волчьи черты и было еще что-то от древних ящеров. Мелькнули вроде бы и звериные челюсти с выступающими клыками. Лунная ночь лишь наполовину выдала свою тайну. К тому же не исключено, что у него разыгралось воображение. Сидя неподвижно в кресле целыми днями, поневоле начнешь выдумывать всякое.

«Призраки» внезапно метнулись в черноту ночи. Он едва успел заметить, что они скрылись во дворе дома Клейморов.

Гарри начал снова искать их повсюду, в том числе и во дворе школы на Рошмор-стрит, но, кроме тумана, мрака и знакомых очертаний зданий, ничего не обнаружил. Они исчезли так же внезапно, как исчезают воображаемые призраки из комнаты, где спит маленький ребенок, когда включают свет.

Гарри оторвал взгляд от телескопа и откинулся в кресле.

Муз сразу же поднялся на задние лапы и начал тыкаться в его колени, ища ласки, как будто это он, а не хозяин видел «призраков» и теперь нуждался в утешении.

Правая рука Гарри еще дрожала, когда он гладил мохнатую голову ньюфаундленда. Прикосновения к мягкой шерсти успокаивали его самого не меньше, чем собаку.

Если ФБР выйдет на него после этого письма, непонятно, говорить ли ему о «призраках». Он, конечно, расскажет им все, что видел, и им это должно пригодиться. Но «призраки»... С одной стороны, он был уверен, что эти странные существа, которые попадались в поле зрения его телескопа уже четыре раза, имеют прямое отношение к событиям последних недель. Но с другой стороны, людям из ФБР будет трудно поверить в их существование. Они не примут его всерьез, или, хуже того, он покажется им сумасшедшим, и тогда они вообще не поверят ни одному его слову.

«Разве я не вызываю доверия? – спрашивал себя Гарри, поглаживая Музу. – Разве я сумасшедший?»

Неужели он, прикованный двадцать лет к креслу, телескопу и биноклям, выдумал всю эту историю, чтобы приблизить мир к себе, утолить свою жажду эмоций? Неужели он выдумал этот сверхъестественный фантастический заговор и решил, что будет тем, кто покарает заговорщиков? Невероятно, нет, не может быть. Война искалечила его тело, но ум остался ясен и трезв, он даже закалился в непрерывной борьбе с одиночеством. Одиночество – его проклятие, а вовсе не сумасшествие.

– «Призраки»! – сказал он Музу.

Муз зарычал.

– Что же будет дальше? Посмотрю завтра в окно и увижу ведьму, летающую на метле?

Крисси вышла из леса у камня-пирамиды, навевавшего ей когда-то фантазии о египтянах карликового роста. Впереди виднелись ее дом и конюшни, свет из окон причудливо перели-

вался в тумане. Она раздумывала, не взять ли в конюшне другую лошадь? А может быть, забежать домой и прихватить там теплую куртку? Поразмыслив, она решила обойтись без лошади: так будет безопаснее. И вовсе не обязательно подражать этим глупым героиням из фильмов, которые то и дело возвращаются на заколдованное место. Крисси повернула на северо-восток, к шоссе.

Она продолжала сочинять воображаемую книгу: ПОДТВЕРЖДАЯ СВОЮ ПРИРОДНУЮ СООБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ, КРИССИ ПОВЕРНУЛА ПРОЧЬ ОТ ПРОКЛЯТОГО МЕСТА И УСТРЕМИЛАСЬ В НОЧЬ, ГАДАЯ, ДОВЕДЕТСЯ ЛИ КОГДА-НИБУДЬ ВНОВЬ ВЕРНУТЬСЯ В СВОЙ ДОМ, ОБРЕТЕТ ЛИ ОНА В БУДУЩЕМ СВОЮ СЕМЬЮ, СТАВШУЮ ЕЙ НЫНЧЕ ЧУЖОЙ.

Она бежала теперь по полю, по сухой осенней траве. Она сознательно выбрала путь по открытому пространству – так было ближе до шоссе. Ближе, но и опаснее. Появись из леса ее преследователи, она не сможет убежать от них, силы слишком неравны.

Между тем становилось по-настоящему холодно. Фланелевая рубашка совсем не согревала. Героини Андре Нортон умели выходить и из этих ситуаций – своей магической силой они создавали себе одежду из травы, из растений, теплую одежду – из мелких зверюшек, делая это мгновенно и элегантно, как только они умеют это делать.

Надо перестать думать про эти книжки. И без этих сравнений муторно на душе.

Для отчаяния было много причин. Она потеряла свой дом. Она одна в этом мраке, ей холодно, ее мучают голод, неопределенность, страх. И в довершение всего за ней гонятся загадочные и опасные существа. Но хуже всего не это... Пусть отец и мать всегда держали ее на расстоянии, не баловали ласками – Крисси любила их. А теперь их нет, – возможно, она потеряла их навсегда; после этого непонятного превращения они стали чужими, они умерли для нее.

В ста футах от шоссе она услышала гул мотора и увидела огни машины, приближающейся со стороны города. В рассеянном тумане она различила и саму машину – это был полицейский автомобиль; на крыше у него вращались синие и красные огоньки. Машина притормозила и свернула на проселок, ведущий к дому Фостеров.

Крисси уже готова была закричать, побежать навстречу машине, так как с детства была приучена видеть в полицейских людей, которые всегда придут на помощь. Она даже подняла руку, но тут сообразила, что если уж она не может доверять своим родителям, то с какой стати ждать понимания со стороны совершенно чужих людей.

Пораженная как громом мыслью о том, что полицейские, возможно, уже прошли через «обращение», уготованное ей Такером, что они могут быть такими же, как ее родители, Крисси бросилась на траву, укрылась в ней. Свет фар не достал до нее, машина уже свернула на проселок, а в темноте и тумане увидеть ее было невозможно.

Машина медленно двигалась по проселку. Возле автомобиля Такера она притормозила, затем поехала дальше, и туман поглотил ее.

Крисси поднялась и побежала вперед. Она решила идти в Мунлайт-Ков по шоссе. Если будут попадаться машины, она будет спрыгивать в канаву или прятаться за деревьями и пережидать их.

Она не собирается открывать свою тайну первому встречному. В городе она сразу же пойдет в костел Девы Марии и будет просить помощи у отца Каstellи (он был прогрессивным священником и просил называть его «отец Джим», но Крисси не могла заставить себя обращаться к нему так фамильярно). Крисси помогала ему во время летнего церковного фестиваля и изъявила желание прислуживать в алтаре во время мессы в следующем году. Отец Каstellи был очень доволен. Он симпатизирует ей и поверит ее истории, какой бы невероятной она ни казалась. Если же он ей не поверит... тогда она попытается добраться до миссис Токава, ее преподавательницы в шестом классе.

Крисси выбралась на шоссе, остановилась и бросила взгляд назад, на свой дом, который на этом расстоянии превратился в несколько светящихся точек в тумане. В ознобе от холода и неизвестности, она повернула на юг, к Мунлайт-Кову.

26

Парадная дверь дома Фостеров была открыта.

Ломен Уоткинс обошел весь дом, осмотрел нижний этаж, забрался наверх. Все было как обычно, за исключением перевернутого стула на кухне и черного саквояжа, оставленного также Такером, да еще в холле на полу валялся баллончик WD-40.

Закрыв за собой парадную дверь, Ломен встал на крыльце и прислушался к ночной тишине. Вечерний ветер с моря уже совсем стих. Воздух был необычайно спокоен. Туман, казалось, поглотил все звуки, ввергнув мир в гробовую тишину.

Всматриваясь туда, где виднелись конюшни, Ломен позвал:

– Такер! Фостер! Здесь кто-нибудь есть?

Эхо его крика вернулось к нему. Звук был холодный и одинокий.

Никто не ответил.

– Такер! Фостер!

В одной из конюшен горел свет и дверь была открыта настежь. Ломен решил пойти туда.

На полпути от дома к конюшне он услышал раскатистый крик, донесшийся с юга. Звук был слабый, но он не спутал бы его ни с каким другим. Гортанный вопль, в котором смешались злорадия, тоска, возбуждение и жажда. Это был крик «одержимых», вышедших на ночную охоту.

Ломен остановился и прислушался, надеясь, что ему почудилось.

Вопль раздался снова. На этот раз он смог различить два, может быть, три голоса. Они были далеко, не ближе чем в миле отсюда, так что их вопли не могли быть ответом на его крик.

У него похолодела спина от этих звуков.

Они вызывали в нем странное желание.

«Нет!»

Ломен так сжал кулаки, что ногти вонзились в кожу. Он решил устоять против этой темной силы, накатывавшейся на него из ночной темноты. Надо думать только о работе, у него много дел.

Если это крики Алекса Фостера, Шэрон Фостер и Джека Такера – а так, скорее всего, и есть, – где же тогда девчонка, Кристина?

Возможно, ей удалось бежать, когда они готовили ее к обращению. Перевернутый стул, оставленный Такером саквояж и открытая настежь парадная дверь, казалось, подтверждали эту неприятную версию. Преследуя девчонку, охваченные возбуждением от погони, Фостеры и Такер могли уступить дремлющей в них жажде «одержимости», вырождения. Или они уже превратились в «одержимых» в другой ситуации, а на этот раз просто мгновенно сорвались в это состояние. Сейчас они преследуют девчонку там, в лесах к югу отсюда, или уже настигли ее, разорвали на куски и остались в том же «одержимом» состоянии, так как их по-прежнему сжигает этот темный огонь, эта жажда.

Ночь была холодной, но Ломена прошиб пот.

Он хотел... он жаждал.

Нет!

Сегодня днем Шаддэк рассказал Ломену, что дочь Фостеров пропустила школьный автобус и, возвратившись домой, застала своих родителей врасплох. Они экспериментировали, по их словам, испытывая свои новые возможности. Таким образом, девчонка должна была пройти через обращение раньше намеченного срока и первой среди детей. Но не исключено, что Фостеры солгали, назвав экспериментированием регрессивные изменения в своем состоя-

нии. Дочь увидела в них «одержимых» и была, вероятно, страшно напугана, не понимая, что с ними произошло. Фостеры не могли сказать правду Шаддэку: такое признание сразу же поставило бы их в число выродившихся, отделило бы навсегда от нормальных Новых людей.

Обращение, как его задумал Шаддэк, должно было вывести человека на новые рубежи, это была насильственная эволюция.

Однако, приобретая в ходе обращения новые возможности, человек иногда становился жертвой регрессивности, одичания. «Одержимые» попадали в разряд отверженных. Но страшнее всего были «одержимые»-убийцы, они убивали всех подряд, повинувшись только проснувшемуся в них инстинкту хищника, – это были настоящие маньяки, скатившиеся до первобытного уровня.

Издаലെка снова раздались крики.

Возбуждение с новой силой охватило Ломена, горячей манящей волной пробежав по его телу. Сбросить одежду, почувствовать землю всеми конечностями и бежать обнаженным и свободным от оков цивилизации, мчаться сквозь ночь длинными, плавными прыжками. Бежать по лугу, в лес, туда, где все исполнено дикой красоты, где дичь только и ждет, когда ее обнаружат, догонят, сомнут, разорвут.

«Нет!»

Контроль.

Самоконтроль.

Крики впивались в мозг.

Он должен контролировать себя.

Сердце тяжело стучало.

Крики. Манящие, зовущие, дикие крики...

Ломен дрожал, затем начались судороги, он почувствовал, как освобождается от прямой осанки, от оков цивилизации, от ее норм, от ее приличий. Первобытный зверь внутри его жаждал освобождения, той минуты, когда можно будет выпрыгнуть из клетки и начать жить на воле...

Нет, это невысмыслимо.

Ноги подкосились, и он упал на землю, но не на четвереньки, чтобы не поддаться искушению, а на бок, застыв в позе зародыша, подтянув колени к туловищу. Он должен сопротивляться до конца. Его плоть раскалилась, он словно лежал на солнцепеке, но жар шел изнутри, из глубины, из миллиардов клеток, из их ядер, стремящихся удержать в сохранности генетический материал, по которому он был создан. Распростертый в холоде и тумане ночи, на лужайке перед домом Фостеров, соблазняемый криками «одержимых», он стремился вновь обрести контроль над своим существом, контроль, который даровало ему обращение. Если он уступит этому искушению, он уже никогда не будет прежним Ломеном Уоткинсом. Он будет лишь «одержимым», который притворяется Ломеном Уоткинсом. Он будет мистером Хайдом, навсегда изгнавшим доктора Джекила из своего тела.

Он посмотрел на свои руки, прижатые к груди. В желтом свете от окон дома Фостеров ему почудилось, что его пальцы начинают изменяться. В правой руке он ощутил боль. Он почувствовал, как кости, скрипя, принимают иную форму, суставы расширяются, мизинцы и большие пальцы удлиняются, подушечки на пальцах становятся шире, уплотняются сухожилия, ногти твердеют и превращаются в подобие когтей.

Ему страшно, он не хочет этого, он умоляет тело вернуться к изначальному состоянию, к человеческому облику. Он сопротивляется восстанию плоти, ставшей подвижной, словно лава. Сквозь сжатые губы он повторяет свое имя: «Ломен Уоткинс, Ломен Уоткинс, Ломен Уоткинс» – как заклинание, которое может предотвратить дьявольское превращение.

Прошла, возможно, минута. Или десять? Целый час? Он не знал. В схватке за самого себя он потерял чувство времени.

Сознание медленно возвращалось к нему. С облегчением он увидел, что не изменился и все так же лежит на лужайке перед домом Фостеров. Только жар по-прежнему обжигал его изнутри. Пальцы были такими же, как всегда.

Какое-то время он вслушивался в ночь. Криков не было слышно, и он благодарил небо за эту тишину.

Страх – единственное чувство, оставшееся в полной мере при нем с тех пор, как он стал одним из Новых людей, теперь причинял ему физическую боль, от нее хотелось кричать. Он подозревал, что принадлежит к тем, над кем висит дамоклов меч «одержимости», и теперь это подтвердилось. Поддайся он искушению, и тогда прощай все – и тот старый мир, в котором он жил до обращения, и тот великолепный новый мир, который создавал Шаддэк; он провалился бы в небытие.

Но еще страшнее была другая мысль. Он не один такой – он начал догадываться об этом давно, – все Новые люди несли в себе зародыши «одержимости». С каждой ночью «одержимых» становилось все больше и больше.

Он поднялся на ноги. Его пошатывало.

Внутренний жар исчез, и только остывший пот охлаждал тело.

Ломен Уоткинс шел к своей машине и размышлял. Все ли продумал Шаддэк во время своих исследований и их практического воплощения? Было ли обращение единственно возможным решением? Может, в нем заключено страшное проклятие? Если допустить, что «одержимые» не исключение, а, напротив, все Новые люди обречены на вырождение рано или поздно...

Он представил Томаса Шаддэка, затворника из башни на северной оконечности бухты. Представил, как тот взирает сверху на город, в котором созданные им звери мечутся в ночном мраке. На Ломена нашло оцепенение. Из детства, из книг, которые он любил читать, всплыл образ доктора Моро, и он узнал в Шаддэке этого мрачного героя Герберта Уэллса. Оживший доктор Моро. Он одержим безумной идеей насильственного соединения человека и машины. Он хочет преобразовать мир. Он, безусловно, охвачен манией величия, в его грандиозных замыслах все человечество переходит на новую, высшую ступень развития. Моро тоже хотел поспорить с Богом и сделать из животного человека. Что, если Шаддэк не гений, что, если он маньяк, подобный Моро? Тогда они все пропали.

Ломен сел в машину, закрыл дверь. Включил зажигание и обогреватель. Его знобило.

Зажегся экран компьютера, сигнализируя о готовности к работе.

Проект «Лунный ястреб» – его единственная надежда, независимо от того, осуществится он или провалится. Ради спасения проекта необходимо убрать эту девчонку, Кристину. Возможно, ей удалось ускользнуть от Такера и родителей. Надо дать указания о наблюдении за шоссе и северным въездом в Мунлайт-Ков. Девчонку надо перехватить во что бы то ни стало. Наверняка она попытается обратиться за помощью к одному из Новых людей, начнет рассказывать о своих «одержимых» родителях и сама загонит себя в ловушку. А те, кто еще не прошел через обращение, скорее всего, не поверят ей. Но лучше все-таки не надеяться на случай, а действовать наверняка.

Надо, кроме того, обсудить с Шаддэком ряд вопросов и решить кое-какие чисто полицейские проблемы.

И надо еще раздобыть что-нибудь поесть.

Он был зверски голоден.

Майк Пейзер оказался у своего дома на юго-восточной окраине города. Он только что вернулся из леса, спустился с заросших лесом холмов. Он был невидимкой и следопытом. Он был змеей и пантерой. Он был гол, как дикий зверь, и он возвращался с охоты, и кровь запеклась вокруг его рта. Возбуждение и усталость. Он два часа гонял по лесу свою добычу. Он осторожно обошел стороной дома соседей, некоторые из них были с ним одной крови, а некоторые – нет. К счастью, дома стоят далеко друг от друга, и не составляет никакого труда перебегать из тени в тень, от дерева к дереву, в высокой траве припав к земле, слившись с ночью. Быстрота и изящество, скрытность и скорость, раскованность и мощь. Все это с ним. А он сам уже на крыльце своего одноэтажного дома, он уже – через незапертую дверь – на кухне. И вкус крови на губах, крови, сладкой крови. Он славно поохотился, и как славно все же вернуться домой, но...

Что-то было не так.

Боже, как жжет, как жжет изнутри.

Он весь переполнен огнем, его обжигает пламя. Огонь требует пищи, требует топлива, топлива. Это нормально, организм в его состоянии потребляет массу энергии, огонь – это нормально, это просто бешеная жажда жизни. Ненормально другое.

Он не мог, не мог...

Не мог возвратиться в прежнее состояние.

Он вошел в темный дом, возбужденный собственным могуществом, игрой мышц. Он мог видеть в темноте почти так же, как дикие звери. Он слонялся по комнатам, он надеялся найти незваного гостя, пришельца, которого можно разорвать, разорвать и искусать, смять и впитаться зубами в живую плоть. Но дом был пуст. В своей спальне он лег на пол. Он лежал на боку и умолял свое тело вернуться к прежней форме, к прежнему Майку Пейзеру, к человеку на двух ногах. Он чувствовал в себе это стремление к нормальному облику, в теле он ощущал сдвиг, но не более того, а затем все возвращалось назад. Отлив, затем прилив и опять отлив. А потом все застывало. Все оставалось на месте, никакого возврата.

Он в ловушке, он заперт в этом облике, который еще недавно казался воплощением свободы, столь желанной для него. Он уже не стремился к ней, он рад был бы от нее отказаться. Но он в ловушке, он заперт. Его охватила паника.

Он вскочил на ноги и выбежал из комнаты. Несмотря на звериную ловкость, он опрокинул по пути напольную лампу, она с грохотом упала, раздался звон бьющегося стекла, но он уже бежал дальше – в холл, в гостиную. Он поскользнулся на ковре. Он в тюрьме: собственное, изменившее ему тело стало его тюрьмой, преображенные кости стали решеткой этой тюрьмы, из этой клетки не выскочишь. Он кружил по комнате, не мог остановиться и все кружил и кружил в безумии и бешенстве. Занавески трепетали в вихре от его бега, как живые. Он налетел на стол и опрокинул его. Он может бежать сколько угодно, но не в силах сбежать из своей тюрьмы, он несет ее на себе. Нет выхода, нет выхода. Нет будущего. Сердце выскочит сейчас из груди. В ужасе и отчаянии он разметал кипу журналов, сбил со стола стеклянную пепельницу и керамическую вазу, разорвал обивку дивана. Страшная сила требовала выхода и не находила его. Боль, какая боль. Хочется кричать, но нельзя, он уже не сможет остановиться.

Еда.

Топливо.

Топливо для огня.

Он вдруг вообразил, что для возвращения в прежнее состояние ему необходимо топливо, необходима энергия для превращения. Ему нужны ферменты, гормоны, сложные органические соединения, и все это – в огромных количествах. За несколько минут ему надо пройти путь, который обычный организм проходит за годы. Ему нужны белки и минеральные вещества, углеводы и много-много всего другого.

В приступе голода, жажды Пейзер поспешил на темную кухню. Открыл дверь холодильника – внутри зажегся свет. Он влез туда всем туловищем, обнаружил большой кусок от трехфунтовой упаковки ветчины, отличной ветчины марки «Саран рэп». Он схватил ее, выбросил тарелку, на которой она лежала, разорвал оболочку, набросился на ветчину, вгрызаясь и вгрызаясь в мясо, не в силах насытиться.

Он любил сбрасывать с себя одежду и превращаться в дикого зверя сразу же после прихода ночи, как можно скорее. Он устремлялся в лес, который начинался сразу за его домом, поднимался на холмы и там охотился на кроликов, енотов, лис и сусликов. Он разрывал их на части руками, зубами, он утолял жажду, глубокую, внутреннюю жажду, и он обожал эту охоту не только потому, что получал свободу, но еще и потому, что обретал ни с чем не сравнимое ощущение своего всемогущества, божественной силы, ощущение, неведомое ему прежде. Это было всепоглощающе, не сопоставимо ни с чем, в том числе и с сексом. Это была власть, дикая власть, власть человека, обманувшего природу, вырвавшегося за отведенные ему пределы, власть ветра и шторма, свобода от всех ограничений, абсолютная власть. И сегодня ночью он утолял эту жажду власти, промчавшись по лесам неуловимым хищником, непобедимым, как сама темнота, но всей его добычи, всей кровавой жатвы не хватило для возврата к облику Майка Пейзера, разработчика программного обеспечения, бакалавра, владельца «порше», страстного собирателя фильмов на видеодисках, любителя марафонского бега и поклонника «Перье».

Он вгрызался в ветчину, в оставшиеся два фунта. А затем смел все, что еще было в холодильнике, – кастрюлю холодного супа с мясом, половину яблочного пирога, купленного вчера в городе, пачку масла весом в четверть фунта, жирного, питательного масла, такого подходящего в качестве топлива, четыре сырых яйца и еще много-много чего. Странный огонь внутри его от подбрасываемого топлива не разгорался, а угасал, так как был всего лишь признаком нехватки энергии для жадно поглощающего ее организма. Теперь огонь унимался, пламя гасло и уступало место тлеющим углям.

Насытившись, Майк Пейзер растянулся на полу перед открытым холодильником, в месиве из разбитых тарелок, яичной скорлупы и пустых банок. Он снова сжался в клубок и умолял организм вернуться к человеческому облику. Он снова ощутил в себе сдвиг, сдвиг в костях и мышцах, в крови, органах и в коже. Энзимы и гормоны устремились по его венам, но, как и в прошлый раз, превращение прекратилось на полпути, и он покатился назад, в еще более дикое состояние, хотя сопротивлялся изо всех сил, изо всех сил он тянулся и тянулся вверх из бездны.

Дверь холодильника захлопнулась, и он снова очутился в темноте. Майк Пейзер почувствовал, что теперь темнота царит не только вовне, но и внутри его.

Он сорвался в крик. Как он и опасался, начав кричать, он уже не мог остановиться.

28

Незадолго до полуночи Сэм Букер покинул «Ков-Лодж». Он был одет в коричневую кожаную куртку, в голубой свитер, в джинсы, на ногах – синие кроссовки. В такой одежде он не будет замечен в темноте, хотя одет несколько легкомысленно для человека его возраста и стиля. Его внешне ничем не примечательная куртка имела несколько вместительных внутренних карманов, в которые он положил набор отмычек. Он спустился по южной лестнице, вышел через черный ход и некоторое время постоял на дорожке у мотеля.

Густой туман выливался с прибрежных холмов, подгоняемый бризом, который наконец нарушил ночное спокойствие. Через несколько часов бриз выгонит туман с берега, и горизонт прояснится. Но к тому времени Сэм уже закончит свою работу и не будет нуждаться в прикрытии – он будет спать или, точнее, бороться с бессонницей в номере мотеля.

Сэму было немного не по себе. Он еще не забыл, как удирал от компании юнцов на Айс-берри-уэй сегодня вечером. Кто они на самом деле – оставалось для него загадкой, он продолжал считать их панками, но больше для самоутешения. Станным образом он чувствовал, что понимает, кто они такие, но не мог проговорить это, догадка шевелилась где-то в глубинах его сознания.

Он обошел угол здания, прошел мимо кафетерия и через десять минут закоулками добрался до здания на Якоби-стрит. Здесь размещалось муниципальное управление Мунлайт-Кова. Здание было именно таким, каким его описали агенты ФБР из Сан-Франциско, – двухэтажное, в кирпично-красных и белых тонах, с серой крышей, зелеными ставнями на окнах и большими фонарями у главного входа. Здание занимало полквартала на северной стороне улицы, но не особенно выделялось на фоне жилых домов.

На первом этаже свет горел даже в этот поздний час, так как там размещалось полицейское управление, работавшее круглые сутки.

Притворившись запоздалым прохожим, Сэм медленно прошел вдоль здания. Все спокойно, никто не суетился, и площадка перед управлением была пуста. Сквозь стеклянные двери был виден ярко освещенный холл.

Сэм свернул за угол, в глубину квартала. Дорога шла мимо деревьев, кустарника, заборов, гаражей и пристроек, невдалеке стояли мусорные ящики. За зданием муниципалитета находилась ничем не огражденная стоянка для машин.

Он притаился за изгородью из вечнозеленого кустарника и начал изучать местность. На стоянке горели две мощные галогенные лампы, в их свете Сэм насчитал двенадцать автомобилей – четыре «форда» последних моделей, окрашенных в грязно-зеленый цвет, это были машины муниципалитета; рядом с ними – пикап и фургон с гербом города и надписью: «Отдел водоснабжения»; одна поливальная машина, один грузовик и четыре полицейских автомобиля марки «шевроле».

Эта четверка черно-белых автомобилей и нужна была Сэму, так как все они были оснащены компьютерами, имеющими прямой выход на центральный компьютер в полицейском управлении. У полиции Мунлайт-Кова имелось восемь патрульных машин – очень много для маленького прибрежного города, на пять машин больше, чем в других городах с таким же населением. В таком количестве автомобилей явно не было необходимости, к тому же это было дорогим удовольствием для налогоплательщиков.

В этом полицейском управлении вообще был избыток снаряжения, причем все оно было самого высокого качества. Агенты ФБР особо отметили этот факт, когда посетили город по поводу смертей Санчеса и Бустаманте.

В Мунлайт-Кове было двенадцать офицеров-полицейских на полной ставке и три офицера на неполной плюс четыре технических работника, занятых полный рабочий день. Немало. Кроме того, все эти работники получали большую зарплату, сравнимую с зарплатой полицейских в больших городах побережья. Каждый был одет с иголочки, их офисы прекрасно оборудованы, все великолепно вооружены и, что самое удивительное, имели компьютерное оборудование, которому позавидовали бы даже парни, сидящие у «красной кнопки» в бункерах Стратегического авиационного командования в Колорадо.

Сэм убедился, что никто не сидит в машинах и не стоит у стены здания. Жалюзи на окнах первого этажа были опущены, и оттуда не было видно, что происходит на стоянке.

Сэм достал тонкие кожаные перчатки и надел их.

Он уже готов был двинуться вперед, как вдруг услышал шум позади себя. Осторожно выглянув из-за изгороди, он увидел картонную коробку, которую ветер тащил по улице и ударял обо все, что попадалось на пути. Удар о мусорный ящик и вызвал шум, заставивший Сэма вздрогнуть.

По стоянке струился туман. Он был сейчас похож на дым; казалось, что весь город горит, тлеет. Сэм еще раз огляделся и, вынырнув из своего убежища, побежал к ближайшей полицейской машине.

Дверцы машины были закрыты.

Сэм извлек из внутреннего кармана куртки универсальную полицейскую отмычку, с ее помощью можно было открыть дверь любого автомобиля. Он открыл машину, сел за руль и закрыл дверь как можно тише.

От мощных ламп на стоянке было достаточно света, впрочем Сэм мог работать и на ощупь. Он достал из кармана специальный гаечный ключ – через несколько секунд замок зажигания был снят, и перед ним открылись ведущие к замку провода.

Это был самый неприятный момент. Для нормальной работы видеодисплея надо было включить мотор – компьютер был мощный, имел устройство для микроволновой связи и разрядил бы аккумулятор за несколько минут. Туман мог скрыть следы выхлопного газа, но не звук работающего двигателя. Расстояние до здания было восемь футов, изнутри звук не могли слышать. Но если кто-нибудь выйдет подышать свежим воздухом или побежит на вызов, то наверняка заметит неладное. Тогда предстоит схватка, а если вспомнить про участвовавшие случаи насильственной смерти в этом городе, шансов на выживание у него – ноль.

Затаив дыхание, осторожно выжимая педаль акселератора правой ногой, Сэм освободил провода от изоляции и соединил их. Двигатель завелся сразу, без резкого звука.

Экран компьютера зажегся.

Компьютерное обеспечение появилось у полиции благодаря компании «Микротехнология новой волны», использовавшей эту возможность для проверки на практике своих разработок. Отрицать превышение расходов на оборудование полиция не может, это слишком бросается в глаза, но подозрительно было то, что тщательно скрывалось участие в щедрой благотворительности держателя контрольного пакета акций компании и ее директора Томаса Шаддэка. Каждый гражданин вправе поддерживать полицию или другие учреждения своими средствами, но почему Шаддэк делает это тайно, избегая огласки? Если человек дает большие деньги на нужды государства и хочет при этом остаться в тени, за этим что-то кроется. В случае с Шаддэком не исключена возможность подкупа полицейских и должностных лиц. Следующий ход рассуждений – полиция в Мунлайт-Кове служит Шаддэку, и в этом случае необычно большое число насильственных смертей за последние недели может иметь прямое отношение к этому противоправному союзу.

На экране компьютера в нижнем правом углу появился символ компании «Новая волна».

Во время расследования дела Бустаманте – Санчеса один из лучших агентов, Моррис Стейн, оказался в полицейском автомобиле вместе с офицером Ризом Дорном. Дорн в какой-то момент запросил данные из центрального компьютера. Стейн обнаружил, что компьютеры у полицейских были гораздо совершеннее, чем это пытались представить Уоткинс и его помощники. Они явно предназначались не только для полицейской работы, и эти особенности скрывались от посторонних глаз. Так вот, тогда в машине Моррис Стейн запомнил личный код Дорна, с его помощью полицейский получал доступ в компьютерную систему. Во время разговора с Сэмом Моррис сказал: «По-моему, у каждого полицейского в этом проклятом городе есть свой персональный код, но, вероятно, код Дорна должен сработать. Сэм, тебе надо добраться до их компьютеров и просмотреть все меню, все, что можно из них выжать, и чтобы при этом никто не глядел из-за плеча. Может, я сумасшедший, но, по-моему, у них явный перебор с техникой, это очень подозрительно. На первый взгляд вроде обычный город, даже приятный, чистый... но, черт побери, через какое-то время появляется ощущение, что ты под колпаком, куда бы ты ни пошел, Большой Брат следит за тобой повсюду. Честное слово, через пару дней начинаешь понимать, что находишься в маленьком полицейском государстве. За тобой следят очень незаметно, но цепко и упорно. Эти полицейские завязаны в каком-то тем-

ном деле, Сэм, они по уши увязли в нем – может быть, это торговля наркотиками или еще что-то, и компьютеры – часть этих махинаций».

Персональный код Дорна был 262699, Сэм набрал его на компьютере. Символ «Новой волны» исчез с экрана. После секундной паузы появилось меню.

ВЫБЕРИТЕ ОДИН ИЗ ВАРИАНТОВ:

А. ДИСПЕТЧЕР.

Б. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ.

В. ОБМЕН ИНФОРМАЦИЕЙ.

Г. ВЫХОД НА ВНЕШНИЕ БАЗЫ ДАННЫХ.

По мнению Сэма, первый раздел меню означал возможность компьютерной связи офицеров в машине с диспетчером в управлении. Но ведь существует и обычная радиосвязь. Зачем набирать текст запросов, читать ответы, если то же самое можно сделать быстрее и проще – через переговоры по радиосвязи? Если только... речь не идет о вещах, которые надо скрыть от посторонних ушей, ведь радиообмен, в отличие от компьютерной связи, гораздо легче перехватить.

С диспетчером связываться было совсем ни к чему, так как в этом случае пришлось бы вести диалог, прикидываясь Ризом Дорном. А это то же самое, что закричать: «Эй, я здесь, в одной из ваших машин, и как раз сую свой нос в ваши делишки, почему же вы заставляете себя ждать и не бежите сюда?»

Сэм выбрал второй раздел и вызвал следующее меню.

ВЫБЕРИТЕ ОДИН ИЗ ВАРИАНТОВ:

А. ЗАДЕРЖАННЫЕ ПОЛИЦИЕЙ.

Б. ДЕЛА, НАХОДЯЩИЕСЯ В СУДЕ.

В. ДЕЛА, НАХОДЯЩИЕСЯ НА РАССЛЕДОВАНИИ.

Г. АРХИВНЫЕ СВЕДЕНИЯ О ЗАДЕРЖАННЫХ ПО ГРАФСТВУ.

Д. АРХИВНЫЕ СВЕДЕНИЯ О ЗАДЕРЖАННЫХ ПО ГОРОДУ.

Е. РЕЦИДИВИСТЫ, ПРОЖИВАЮЩИЕ В ГРАФСТВЕ.

Ж. РЕЦИДИВИСТЫ, ПРОЖИВАЮЩИЕ В ГОРОДЕ.

Просто для того, чтобы убедиться, что за строчками меню стоит именно полицейская информация, а не что-то иное, Сэм вызвал подраздел Е. РЕЦИДИВИСТЫ, ПРОЖИВАЮЩИЕ В ГРАФСТВЕ. Появилось следующее меню с десятью разделами: УБИЙСТВО, УБИЙСТВО ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ, ИЗНАСИЛОВАНИЕ, ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА СЕКСУАЛЬНОЙ ПОЧВЕ, ОСКОРБЛЕНИЕ ДЕЙСТВИЕМ, ВООРУЖЕННОЕ ОГРАБЛЕНИЕ, КРАЖА СО ВЗЛОМОМ, НОЧНАЯ КРАЖА СО ВЗЛОМОМ, ПРОЧИЕ СЛУЧАИ ВОРОВСТВА, МЕНЕЕ ТЯЖКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.

Сэм вызвал раздел об убийствах и обнаружил в нем троих рецидивистов-убийц. Они жили в пределах графства, отсидев от двадцати до сорока лет за свои преступления. Сообщались их фамилии, адреса, телефоны, фамилии их жертв, краткие сведения по их преступлениям и срокам заключения. Ни один из них не жил в Мунлайт-Кове.

Оторвавшись от экрана, Сэм осмотрел стоянку. На ней по-прежнему было пустынно. Струи густого тумана продолжали причудливо извиваться, Сэм ощущал себя словно в батискафе на морской глубине среди белых змеящихся водорослей.

Он вернулся к основному меню и запросил раздел В. ОБМЕН ИНФОРМАЦИЕЙ. Оказалось, что и здесь собраны сообщения, которыми обменивались Уоткинс и его офицеры. Речь шла как о полицейских, так и о частных делах. Большинство из них было записано в такой сжатой форме, что Сэм ни за что не взялся бы их расшифровывать, так же трудно было определить и их значимость.

Оставался четвертый раздел – ВЫХОД НА ВНЕШНИЕ БАЗЫ ДАННЫХ. Здесь перечислялись компьютерные сети, на которые можно было выйти через модем, находящийся в поли-

цейском управлении. Выбор был на редкость богатый: ПОЛИЦЕЙСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЛОС-АНДЖЕЛЕСА, ПОЛИЦЕЙСКИЕ УПРАВЛЕНИЯ САН-ФРАНСИСКО, САН-ДИЕГО, ДЕНВЕРА, ХЬЮСТОНА, ДАЛЛАСА, ФЕНИКСА, ЧИКАГО, МАЙАМИ, НЬЮ-ЙОРКА, а также других городов; УПРАВЛЕНИЕ ДОРОЖНОЙ ПОЛИЦИИ КАЛИФОРНИИ, УПРАВЛЕНИЕ ТЮРЕМ, ПАТРУЛЬНАЯ СЛУЖБА АВТОМАГИСТРАЛЕЙ и множество других служб, имеющих весьма отдаленное отношение к полиции: АРХИВ АРМИИ США, АРХИВ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА, АРХИВ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ, АРХИВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ЛИНИИ ФБР, АРХИВ ФИЛИАЛОВ ФБР (сравнительно новая база данных ФБР); здесь был даже банк данных нью-йоркского отделения ИНТЕРПОЛА, через который можно было выйти на центральный архив этой организации в Европе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.